

СХХVIII Международная научная конференция

ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

КАЗАНЬ

Часть 2

УДК 005(063)
ББК 65.290-2я43
И88

Главный редактор: *И. Г. Ахметов*

Редакционная коллегия:

Э.А. Бердиев, Ю.В. Иванова, А.В. Каленский, В.А. Куташов, К.С. Лактионов, Н.М. Сараева, Т.К. Абдралилов, О.А. Авдеев, О.Т. Айдаров, Т.И. Алиева, В.В. Ахметова, В.С. Брезгин, О.Е. Данилов, А.В. Дёмин, К.В. Дядюн, К.В. Желнова, Т.П. Жуикова, Х.О. Жураев, М.А. Игнатова, Р.М. Исаков, К.К. Калдыбай, А.А. Кенесов, В.В. Коварда, М.Г. Кологорцев, А.В. Котляров, А.Н. Кошербаева, В.М. Кузьмина, К.И. Курпаяниди, С.А. Кучерявенко, Е.В. Лескова, И.А. Макеева, Е.В. Матвиенко, Т.В. Матроскина, М.С. Матусевич, У.А. Мусаева, М.О. Насимов, Б.Ж. Паридинова, Г.Б. Прончев, А.М. Семахин, А.Э. Сенцов, Н.С. Сенюшкин, Д.Н. Султанова, Е.И. Титова, И.Г. Ткаченко, М.С. Федорова, С.Ф. Фозилов, А.С. Яхина, С.Н. Ячинова

Международный редакционный совет:

З.Г. Айрян (Армения), П.Л. Арошидзе (Грузия), З.В. Атаев (Россия), К.М. Ахмеденов (Казахстан), Б.Б. Бидова (Россия), В.В. Борисов (Украина), Г.Ц. Велковска (Болгария), Т. Гайич (Сербия), А. Данатаров (Туркменистан), А.М. Данилов (Россия), А.А. Демидов (Россия), З.Р. Досманбетова (Казахстан), А.М. Ешиев (Кыргызстан), С.П. Жолдошев (Кыргызстан), Н.С. Игисинов (Казахстан), Р.М. Исаков (Казахстан), К.Б. Кадыров (Узбекистан), А.В. Каленский (Россия), О.А. Козырева (Россия), Е.П. Колтак (Россия), А.Н. Кошербаева (Казахстан), К.И. Курпаяниди (Узбекистан), В.А. Куташов (Россия), Э.Л. Кыят (Турция), Лю Цзюань (Китай), Л.В. Малес (Украина), М.А. Нагвердадзе (Грузия), Ф.А. Нурмамедли (Азербайджан), Н.Я. Прокопьев (Россия), М.А. Прокофьева (Казахстан), Р.Ю. Рахматуллин (Россия), М.Б. Ребезов (Россия), Ю.Г. Сорока (Украина), Д.Н. Султанова (Узбекистан), Г.Н. Узаков (Узбекистан), М.С. Федорова, Н.Х. Хоналиев (Таджикистан), А. Хоссейни (Иран), А.К. Шарипов (Казахстан), З.Н. Шуклина (Россия)

Исследования молодых ученых : материалы СХХVIII Междунар. науч. конф. И88 (г. Казань, сентябрь 2026 г.) / [под ред. И. Г. Ахметова и др.]. — Казань : Молодой ученый, 2026. — iv, 248 с.

ISBN 978-5-6055990-3-6.

В сборнике представлены материалы СХХVIII Международной научной конференции «Исследования молодых ученых».

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов, а также для широкого круга читателей.

УДК 005(063)
ББК 65.290-2я43

ISBN 978-5-6055990-3-6

© Оформление.

ООО «Издательство Молодой ученый», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Зязин О.Н.

Гражданско-правовая защита группы лиц при обжаловании решений
общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме . . 89

Мавренков А.С.

Проблемы унификации средств процессуального доказывания
в цивилистическом процессе: преимущества открытого перечня 96

Нидерквель Д.А.

Договорные отношения в сфере родительства и иного попечения
над детьми 105

Одрова Д.М.

Задаток и обеспечительный платеж как способы обеспечения
исполнения обязательств. 109

Турченко Е.Ю., Пироженков А.С.

Классификация заблуждений субъектов экономико-криминальных
схем в сфере информационного бизнеса 116

ПОЛИТОЛОГИЯ

Игнатьева Д.А.

Угроза терроризма в свете сирийского кризиса и его влияние
на миграционные процессы 121

ПСИХОЛОГИЯ

Виницкий Г.В., Иванчик А.А.

Психологические механизмы хулиганства, совершаемого
несовершеннолетними лицами: роль гипноза и суггестии
в формировании агрессивного поведения 136

Головина А.Ю.

Анализ причин и эффективных стратегий коррекции тревоги
и депрессии во взрослом возрасте 140

Демченко Ф.С., Граб Л.Н., Яценко Е.Н.

Трансдиагностический анализ речевых нарушений при большом
депрессивном расстройстве 145

Довгань С.А.

Взаимосвязь толерантности к неопределённости и стратегий
поведения в конфликте у студентов 164

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Гражданско-правовая защита группы лиц при обжаловании решений общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме

Зязин Олег Николаевич, кандидат экономических наук, студент магистратуры

Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Статья посвящена анализу процессуального механизма защиты прав и законных интересов группы лиц (гл. 22.3 ГПК РФ) применительно к оспариванию решений общих собраний собственников помещений в многоквартирных домах. Обосновывается актуальность темы через конфликтогенный потенциал общих собраний и неэффективность индивидуальной защиты. Раскрываются условия обращения в суд в порядке ст. 244.20 ГПК РФ, процессуальные преимущества группового иска в данной категории дел. На основе судебной практики делается вывод о перспективах применения данной процедуры как цивилизованной, системной и экономичной формы судебной защиты, соответствующей коллективной природе права собственности в МКД.

Ключевые слова: групповой иск, защита прав и законных интересов группы лиц, общее собрание собственников, многоквартирный дом, оспаривание решения собрания, глава 22.3 ГПК РФ, статья 244.20 ГПК РФ, жилищные правоотношения, судебная защита, коллективный иск.

Civil law protection of a group of persons when challenging decisions of the general meeting of premises owners in an apartment building

The article analyzes the procedural mechanism for protecting the rights and legitimate interests of a group of persons (Chapter 22.3 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation) in relation to challenging decisions of general meetings of

owners of premises in apartment buildings. The relevance of the topic is substantiated through the conflict-generating potential of general meetings and the ineffectiveness of individual protection. The conditions for applying to court under Article 244.20 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, as well as the procedural advantages of a class action in this category of cases, are revealed. Based on judicial practice, a conclusion is drawn about the prospects for applying this procedure as a civilized, systematic and economical form of judicial protection corresponding to the collective nature of property rights in an apartment building.

Keywords: *class action, protection of the rights of a group of persons, general meeting of owners, apartment building, challenging a meeting decision, Chapter 22.3 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, Article 244.20 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, housing legal relations, judicial protection, collective claim.*

Жилищная сфера традиционно относится к областям с повышенным конфликтогенным потенциалом, что обусловлено множественностью субъектов, сложной структурой материально-правовых связей и высокой социальной значимостью принимаемых решений. Особое место среди источников жилищных конфликтов занимают общие собрания собственников помещений в многоквартирном доме (далее — ОСС, МКД). Являясь органом управления МКД (ч. 1 ст. 44 ЖК РФ), ОСС призвано обеспечивать согласованное волеизъявление собственников по ключевым вопросам содержания и управления общим имуществом. Однако, как показывает практика, именно в процедурах созыва, проведения и оформления результатов ОСС наиболее часто допускаются массовые и грубые нарушения: несоблюдение порядка уведомления о собрании, отсутствие кворума, фальсификация протоколов и бюллетеней, принятие решений за пределами установленной компетенции. Такие нарушения затрагивают права и законные интересы сразу большого числа собственников, порождая состояние правовой неопределённости и блокируя нормальное функционирование механизмов управления домом, а, в некоторых случаях, даже создавая риск и прямые основания ликвидации созданных собственниками товариществ собственников жилья (ТСЖ).

Материально-правовые отношения, складывающиеся по поводу управления многоквартирным домом, характеризуются сложным субъектным составом и множественностью лиц на одной из сторон, что объективно предопределяет потребность в специальных процессуальных механизмах защиты [1].

Действующее законодательство предоставляет каждому собственнику право оспорить решение ОСС в суде (ч. 6 ст. 46 ЖК РФ, ст. 181.4 ГК РФ). Однако реал-

лизация этого права в индивидуальном порядке сопряжена с существенными издержками, которые зачастую делают судебную защиту фактически недоступной для большинства собственников. Во-первых, каждый отдельный иск требует самостоятельной подготовки, сбора доказательств, уплаты государственной пошлины и несения иных судебных расходов, но, что самое главное, выработки индивидуальной стратегии защиты нарушенного права. Во-вторых, при рассмотрении множества однотипных исков разными судьями возникает риск принятия противоречивых судебных актов по одним и тем же обстоятельствам. В-третьих, индивидуальное оспаривание не позволяет аккумулировать процессуальные ресурсы сообщества собственников, что особенно критично при оспаривании технически сложных решений, связанных, в первую очередь, со сменой способа управления МКД и выбором управляющей организации, а также по вопросам серьёзной и дорогостоящей реконструкции МКД.

Нормы ст. 181.4 ГК РФ прямо ориентируют участников гражданско-правового сообщества на совместное оспаривание решения собрания теми его членами, которые не согласны с принятым решением, и такие споры рассматриваются в режиме групповых исков. Это создаёт предпосылки для применения специального процессуального механизма, введённого в ГПК РФ Федеральным законом от 18 июля 2019 г. № 191-ФЗ. Как отмечается в процессуальной доктрине, целью реформы было создание единых правил рассмотрения дел о защите прав группы лиц как в гражданском, так и в арбитражном судопроизводстве [2].

Глава 22.3 ГПК РФ, вступившая в силу 1 октября 2019 года, закрепила институт защиты прав и законных интересов группы лиц в гражданском судопроизводстве, предоставив гражданам особый процессуальный механизм защиты прав и законных интересов группы лиц. Центральной нормой является ст. 244.20 ГПК РФ, устанавливающая условия обращения в суд в защиту группы лиц: наличие общего по отношению к каждому члену группы ответчика; общие либо однородные права и законные интересы членов группы; схожие фактические обстоятельства, лежащие в основании прав членов группы и обязанностей ответчика; использование всеми членами группы одинакового способа защиты своих прав. Рассмотрение дела в таком порядке допускается, если ко дню обращения в суд к требованию одного лица присоединились не менее двадцати других лиц — членов группы. В этом случае подавшее иск лицо становится лицом, действующим в интересах группы.

Присоединение к требованию осуществляется путём подачи в письменной форме заявления о присоединении лицу, действующему в интересах группы,

либо непосредственно в суд, если член группы присоединяется после принятия искового заявления к производству. Принципиально важно, что выдача доверенности лицу, ведущему дело в интересах группы, не требуется: оно действует на основании заявлений о присоединении к требованию (ст. 244.22 ГПК РФ). Это существенно снижает процессуальные издержки и упрощает процедуру консолидации группы.

В процессуальной науке справедливо подчёркивается, что групповой иск исторически стал одним из наиболее эффективных процессуальных инструментов для защиты прав больших групп граждан, находящихся в схожей юридической и фактической ситуации, когда их права нарушены одним ответчиком [2].

Применительно к оспариванию решений ОСС конструкция группового иска демонстрирует ряд неоспоримых процессуальных преимуществ. Прежде всего, все требования членов группы, вытекающие из одного и того же решения ОСС, рассматриваются в рамках единого судебного разбирательства, что исключает риск противоречивых судебных актов и обеспечивает процессуальную экономию. Во-вторых, бремя доказывания схожих фактических обстоятельств (например, отсутствия кворума или ненадлежащего уведомления) распределяется между всеми членами группы, что позволяет более эффективно противостоять процессуальным оппонентам. В-третьих, судебное решение по групповому иску имеет обязательное значение для всех членов группы, что создаёт единый правовой режим для оспариваемого решения ОСС. Как отмечает А. В. Афтахова, сферы применения групповых исков — это сферы, где происходит нарушение прав группы лиц, при этом требования членов группы относительно предмета спора аналогичны и вызваны одной и той же ситуацией [3].

Анализ судебной практики свидетельствует о постепенном расширении применения гл. 22.3 ГПК РФ к спорам об оспаривании решений ОСС. Показательным является дело № 2–1121/2024, рассмотренное Кировским районным судом Санкт-Петербурга: на дату подачи иска в интересах группы лиц к требованию присоединился 21 собственник помещений в МКД, а впоследствии — ещё 122 собственника. Суд рассмотрел дело в порядке группового производства, что позволило в одном процессе разрешить вопрос о законности оспариваемого протокола ОСС применительно ко всему сообществу собственников. А в деле № 2–2472/2021, рассмотренном Василеостровским районным судом Санкт-Петербурга, в котором автор принимал участие в качестве лица, ведущего дело в интересах группы лиц, на дату подачи иска к требованию о защите прав и законных интересов группы лиц присоединилось 33 собственника помещений в многоквартирном доме, а после подачи иска, до пере-

хода суда к судебным прениям — ещё 460 собственников. Иск по указанному делу является одним из самых масштабных в судебной практике по числу лиц, присоединившихся к требованию о защите прав и законных интересов группы лиц, о признании решений сразу трех якобы проведённых почти одновременно общих собраний собственников помещений в МКД недействительными.

Положительные итоги рассмотрения упомянутых выше гражданских дел позволяют сделать вывод, что в области жилищных отношений, относящейся, по мнению экспертов, к одной из тех сфер гражданско-правовых отношений, в которых институт групповых исков является особенно востребованным, начинает формироваться устойчиво положительная судебная практика защиты прав и законных интересов группы лиц.

Чаще всего предметом исков о защите прав и законных интересов собственников помещений в многоквартирных домах, рассматриваемых по правилам главы 22.3 ГПК РФ, являются требования о признании недействительными решений общего собрания собственников, принятого с нарушениями действующего законодательства. Основанием для признания таких решений недействительными являются отсутствие кворума, необходимого для признания общего собрания правомочным принимать решения по вопросам повестки дня.

С одной стороны, это свидетельствует о злоупотреблениях, допускаемых при проведении и подведении итогов таких собраний, в частности изготовление подложных протоколов собраний и бюллетеней заочного голосования от имени собственников, не принимавших участие в собрании. С другой стороны, как правило положительный для собственников помещений в многоквартирных домах исход разрешения групповых исков о признании решений общего собрания недействительными, свидетельствует о высокой эффективности применения данного института для защиты прав и законных интересов собственников. В основе такой эффективности, по мнению автора, лежит относительно простой и существенно менее затратный, по сравнению с процессуальным соучастием, способ присоединения к требованию о признании недействительным решения общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме, не предполагающий активного участия в судебном процессе присоединившихся к групповому иску лиц и не требующий оформления доверенностей на представление их интересов в суде.

Вместе с тем процессуальная практика выявляет и определённые сложности. Судебный департамент при Верховном Суде РФ фиксирует стабильный рост числа дел, рассматриваемых по правилам ст. 244.20 ГПК РФ. При этом применение положений гл. 22.3 ГПК РФ на протяжении нескольких лет по-

звояет юридическому сообществу выявить недостатки правового регулирования и сложности процессуальной формы указанной главы ГПК РФ, что требует выдвижения предложений по совершенствованию правового института [4]. Отмечается необходимость применения при рассмотрении групповых исков наряду со специальными нормами гл. 22.3 ГПК РФ также общих правил искового производства [6]. Так, например, в резолютивной части решения по делу о защите прав и законных интересов группы лиц согласно ст. 244.28 ГПК РФ должны содержаться выводы в отношении каждого из членов группы, присоединившихся к требованию о защите прав и законных интересов группы лиц, что может по разному трактоваться судами и, при многочисленности группы, быть достаточно трудоёмким при изготовлении судебных решений. В то же время, в решении суд может указать на обязанность лица, ведущего дело в интересах группы лиц или ответчика довести информацию о принятом решении до сведения всех членов группы лиц в установленный судом срок через средства массовой информации или иным способом [8].

В процессуальной доктрине также обсуждаются вопросы защиты ответчика против группового иска, что имеет значение для обеспечения баланса процессуальных прав сторон в делах об оспаривании решений ОСС [5]. Кроме того, многими специалистами рассматриваются проблемы использования групповых исков по отдельным категориям дел и потенциал их дальнейшего развития [6].

Тем не менее, исследователи справедливо указывают на целесообразность учёта возможностей процессуальных институтов группового иска при совершенствовании регулирования представления интересов собственников помещений в МКД [1].

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что процессуальный механизм защиты прав и законных интересов группы лиц, закреплённый в гл. 22.3 ГПК РФ, представляет собой адекватный и эффективный инструмент для оспаривания решений общих собраний собственников помещений в многоквартирных домах. Относительная простота инициирования группового производства (не менее двадцати присоединившихся лиц, отсутствие необходимости оформлять доверенность), единство судебного разбирательства, устранение риска противоречивых судебных актов и процессуальная экономия — все эти преимущества делают групповой иск цивилизованной, системной и экономической формой судебной защиты, соответствующей коллективной природе права собственности в МКД. Как отмечается в научной литературе, механизм группового иска для целей защиты прав многочисленной группы лиц является одним из самых успешных и активно используемых правовых инструментов [7].

Перспективы дальнейшего применения данной процедуры к спорам о недействительности решений ОСС связаны с преодолением отдельных трудностей процессуального характера, включая вопросы надлежащего извещения членов группы, распределения судебных расходов и обеспечения баланса интересов присоединившихся и не присоединившихся собственников. Однако вектор развития судебной практики и доктринальные оценки позволяют прогнозировать устойчивый рост востребованности группового иска как основного процессуального средства защиты законных интересов сообщества собственников помещений в многоквартирном доме.

Литература:

1. Степанов В. В. Процессуальный статус лица, уполномоченного общим собранием собственников помещений в многоквартирном доме на представление интересов в суде // Актуальные проблемы российского права. — 2019. — № 4 (101). — С. 80–86.
2. Мельникова А. В. Особенности групповых исков в гражданском судопроизводстве в Российской Федерации // Молодой учёный. 2024. № 49 (548). — С. 535–538.
3. Афтахова А. В. Некоторые аспекты подготовки к судебному разбирательству дел по искам о защите прав и законных интересов группы лиц // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 1 (69). С. 35–41.
4. Старицын А. А. Коллективные иски в гражданском процессе // Российский судья. 2024. № 3. С. 13–18.
5. Домшенко В. Г. Модель формирования группы лиц как ключевая характеристика механизма группового иска: сравнительно-правовое исследование // Вестник гражданского процесса. 2023. № 2. С. 218–257.
6. Групповые иски: сложности и перспективы: коллективная монография / под ред. В. Г. Домшенко. М.: Статут, 2025. 353 с.
7. Попов, В. И. Проблемы сертификации групповых исков // Молодой учёный. 2024. № 14 (513). С. 154–157.
8. Трезубов Е. С. Проблемы достижения правовой эффективности при рассмотрении групповых исков / Е. С. Трезубов, Н. С. Звягина // Правоприменение. 2023. Т. 7. № 1. С. 113–123.

Проблемы унификации средств процессуального доказывания в цивилистическом процессе: преимущества открытого перечня

Мавренков Анатолий Сергеевич, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В статье на основе сравнительного анализа ГПК РФ и АПК РФ, а также судебной практики за 2023–2026 гг. обосновываются преимущества открытого перечня средств доказывания в цивилистическом процессе. Автор раскрывает потенциал универсальной категории «иные документы и материалы» (статья 89 АПК РФ), обеспечивающей высокую адаптивность арбитражного процесса к оценке нетрадиционных средств доказывания. Аргументируется вывод о том, что законодательное закрепление открытого перечня в гражданском судопроизводстве позволит преодолеть дефицит единообразия судебной практики и повысить доступность правосудия для граждан.

Ключевые слова: гражданский процесс, арбитражный процесс, доказывание, средства доказывания, открытый перечень, иные документы и материалы, письменные доказательства, внесудебная экспертиза, рецензия, видеозапись, унификация законодательства.

Гражданский процессуальный кодекс (ГПК) РФ, несмотря на свою схожесть с арбитражным процессуальным кодексом (АПК) РФ, всё же имеет ряд существенных от него отличий, одно из которых — правовой институт доказательств и доказывания. И в ГПК, и в АПК РФ институту доказательств и доказывания посвящены отдельные главы — это глава 6 ГПК РФ и глава 7 АПК РФ. Ранее мы уже проводили сравнительный анализ названных процессуальных законов, и пришли к выводу о том, что перечень доказательств в гражданском процессе, в отличие от арбитражного, является закрытым [1, с. 227–228]. Теперь же исследуем вопрос о том, действительно ли существует необходимость унификации положений о средствах процессуального доказывания в ГПК и АПК РФ.

В 2014 году законодатель предпринимал попытку провести тотальную унификацию ГПК и АПК РФ посредством принятия Единого гражданского процессуального кодекса (ЕГПК) РФ, регламентирующего судопроизводство по гражданским делам как в судах общей юрисдикции, так и в арбитражных судах. Среди прочего, авторами Концепции предлагался отказ от открытого перечня доказательств, так как, по мнению авторов концепции, такой перечень влечёт за собой размывание видов доказательств и не позволяет сформировать единый подход в оценке их достоверности [2, с. 36].

Как известно, ЕГПК РФ так и не был принят; отдельные наработки из упомянутой концепции использовались законодателем при разработке и принятии Кодекса административного судопроизводства (КАС) РФ, а также продолжают использоваться при внесении поправок в ГПК, АПК и КАС РФ. Между тем, вносимые в АПК РФ поправки пока не коснулись института доказательств и доказывания.

Открытый перечень допустимых средств процессуального доказывания известен отечественному процессуальному праву ещё с момента принятия ныне действующего АПК РФ от 24 июля 2002 года [3]; действовавшие ранее АПК РФ от 05 марта 1992 года и АПК РФ от 05 мая 1995 года содержали исчерпывающий перечень доказательств: письменные и вещественные доказательства, объяснения сторон и других лиц, участвующих в деле, а также заключения экспертов и показания свидетелей [4, 5]. Как отмечает В.В. Ярков, внесение «иных документов и материалов» в число допустимых в арбитражном процессе доказательств было обусловлено появлением новых технических носителей информации, и связано со спецификой их исследования [6, с. 286]. В этой связи представляется ещё более странным тот факт, что принятый в том же 2002 году ГПК РФ по-прежнему содержит закрытый перечень доказательств [7].

За всё время действия АПК РФ 2002 года в отечественной судебной практике успели сформироваться некоторые подходы к тому, какие именно средства доказывания следует относить к «иным доказательствам». Разберём их подробнее.

Незадолго до своего упразднения, Высший Арбитражный Суд (ВАС) РФ принял Постановление Пленума от 04.04.2014 № 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе», в п. 13 которого разъяснил, что «заключение эксперта по результатам проведения судебной экспертизы, назначенной при рассмотрении иного судебного дела, а равно заключение эксперта, полученное по результатам проведения внесудебной экспертизы, не могут признаваться экспертными заключениями по рассматриваемому делу. Такое заключение может быть признано судом иным документом, допускаемым в качестве доказательства в соответствии со статьей 89 АПК РФ» [8].

Приведённые разъяснения ВАС РФ успешно применяются судами и по сей день. Так, Арбитражный суд Северо-Западного округа в постановлении от 30.04.2026 по делу № А05–9279/2023 признал обоснованным принятие нижестоящими арбитражными судами результатов судебной экспертизы, проведённой по другому делу [9]; Арбитражный суд Московского округа в постановле-

нии по делу № А40–249605/2024 от 21.10.2025 признал «иным доказательством» представленное истцом заключение внесудебной экспертизы [10].

Абсолютно иным образом складывается правоприменительная практика в судах общей юрисдикции. Ввиду жестких рамок статьи 55 ГПК РФ и отсутствия в гражданском процессуальном законе категории «иные документы и материалы», суды общей юрисдикции сталкиваются с необходимостью искусственной процессуальной квалификации внесудебных заключений, а также экспертиз, проведённых по иным судебным делам.

Устоявшаяся судебная практика идёт по пути отнесения таких материалов к числу письменных доказательств (статья 71 ГПК РФ). В частности, к такому выводу пришёл Четвёртый кассационный суд общей юрисдикции в определении от 12.12.2023 по делу № 88–42013/2023 [11]. Представляется, что подобная правовая фикция существенно искажает правовую природу исследуемых феноменов. Письменное доказательство (акт, договор, деловая переписка) по своему существу возникает до и вне судебного процесса, отражая стандартное течение гражданского оборота. В свою очередь, внесудебное экспертное заключение или экспертное исследование по смежному делу изначально создаются как результат целенаправленного применения специальных профессиональных знаний для юридической оценки конкретных фактов.

Квалификация экспертных суждений как обычных «письменных документов» приводит к тому, что суды зачастую необоснованно снижают их доказательственное значение. К примеру, Шестой кассационный суд общей юрисдикции своим определением от 22.11.2023 по делу № 88–25772/2023 отменил решение нижестоящего суда и направил гражданское дело на повторное рассмотрение в суд апелляционной инстанции на том основании, что в основу отменяемого судебного акта было положено внесудебное экспертное заключение без назначения по делу судебной экспертизы [12].

Такой подход не только затягивает рассмотрение гражданского дела, но и накладывает на участников процесса избыточное финансовое бремя, что прямо нарушает принцип доступности правосудия. Отсутствие открытого перечня в ГПК РФ порождает дублирование экспертных процедур там, где арбитражный суд обошелся бы приобщением «иного доказательства», как произошло, к примеру, в практике с участием автора при рассмотрении дела № А40–6614/2024, где размер причинённого в результате ДТП ущерба был установлен исключительно внесудебным экспертным заключением [13].

Расширение спектра «иных документов и материалов» не ограничивается исключительно экспертными заключениями. Ярким примером гибкости откры-

того перечня доказательств выступает правоприменительная практика по принятию судами внесудебных рецензий на экспертные заключения.

Так, в решении Арбитражного суда Республики Хакасия от 04.08.2025 по делу № А74–50/2025 суд прямо указал, что представленная ответчиком рецензия на экспертное заключение административного органа была обоснованно учтена и оценена в качестве иного документа в порядке статьи 89 АПК РФ [14]. Подобный подход демонстрирует высокий уровень процессуальных гарантий участников арбитражного спора, позволяя им эффективно оспаривать выводы экспертов без принудительного и дорогостоящего назначения повторных экспертиз.

Диаметрально противоположным образом складывается правоприменительная практика в судах общей юрисдикции, где из-за закрытого перечня статьи 55 ГПК РФ отсутствует единый подход к оценке таких документов. Недостаток единообразия судебной практики наглядно иллюстрируют два акта одного и того же судебного органа, вынесенные с разницей всего в пять дней. Так, в Определении Первого кассационного суда общей юрисдикции от 25.09.2025 по делу № 88–23931/2025 суд полностью отверг внесудебную рецензию на экспертизу, назвав её «частным мнением на возмездной основе», лицо по которой не предупреждалось об уголовной ответственности [15]. Однако в Определении от 01.10.2025 по делу № 88–25442/2025 тот же суд отменил решение апелляции именно из-за того, что она проигнорировала представленную рецензию и не оценила её в качестве основания для назначения повторной экспертизы [16]. Столь явные противоречия в кассационной практике доказывают, что жесткие рамки ГПК РФ порождают правовую неопределенность, устранить которую способна лишь унификация цивилистического процесса через законодательное закрепление открытого перечня средств доказывания по аналогии с АПК РФ.

Преимущество открытого перечня средств доказывания наглядно иллюстрирует и различный подход к оценке аудио- и видеоматериалов в гражданском и арбитражном процессах. Принятый в 2002 году ГПК РФ пошел по пути детального дробления видов средств доказывания, изначально зафиксировав аудио- и видеоматериалы в самостоятельных статьях 77 и 185 ГПК РФ в рамках закрытого перечня. В свою очередь, разработчики АПК РФ 2002 года отказались от создания избыточных статей под отдельные технические форматы, объединив их в универсальную категорию «иных документов и материалов».

Эффективность арбитражного подхода подтверждается актуальной практикой: норма статьи 89 АПК РФ позволяет судам безболезненно адаптиро-

ваться к технологическому прогрессу. Так, в решении Арбитражного суда Республики Калмыкия от 09.07.2025 по делу № А22–509/2025, а также в решении Арбитражного суда Новгородской области от 03.07.2025 по делу № А44–1123/2025 видеозаписи скрытой фиксации процессов закупки контрафактного товара были признаны допустимыми и достаточными доказательствами на прямую со ссылкой на статью 89 АПК РФ [17, 18]. Универсальная арбитражная норма защищает процесс от технологического отставания, в то время как жесткая система статьи 55 ГПК РФ до сих пор вынуждает суды общей юрисдикции искусственно подгонять новые цифровые феномены под стандарты классических доказательств.

Ещё одним правоприменительным барьером является определение доказательственного статуса судебных актов по иным делам, не обладающих свойством преюдициальности (ст. 61 ГПК РФ, ст. 69 АПК РФ). Анализ судебной практики показывает, что и арбитражные суды, и суды общей юрисдикции зачастую демонстрируют избыточный процессуальный формализм. Сталкиваясь с судебным актом по смежному спору, где были установлены значимые для дела обстоятельства, но состав лиц не совпадает, суды чаще всего полностью отказываются принимать его во внимание, мотивируя это исключительно отсутствием преюдициальной силы.

Между тем, в арбитражном процессе благодаря открытому перечню доказательств существуют легальные механизмы преодоления этого тупика. Прогрессивным примером служит решение Арбитражного суда Воронежской области от 02.07.2025 по делу № А14–6604/2024, в котором суд, установив отсутствие преюдиции, тем не менее, на основании статьи 89 АПК РФ приобщил к материалам дела автоматизированную копию решения по смежному спору, исследовав зафиксированные в нём факты как «иной документ» [19].

К сожалению, подобные прецеденты пока остаются точечными, а в гражданском процессе ситуация усугубляется жесткими рамками статьи 55 ГПК РФ. Закрытый перечень доказательств лишает суды общей юрисдикции прозрачного инструмента для оценки смежных судебных актов, вынуждая их либо полностью игнорировать важную информацию, либо использовать правовую фикцию «письменного доказательства» (статья 71 ГПК РФ). Унификация цивилистического процесса через законодательное закрепление открытого перечня средств доказывания позволит преодолеть этот барьер.

Резюмируя всё вышеизложенное, можно констатировать, что закреплённый в статье 55 ГПК РФ закрытый перечень средств доказывания не позволяет судам надлежащим образом квалифицировать новые источники информации.

В то время как универсальная категория «иных документов и материалов» позволяет арбитражному процессу оперативно адаптироваться к использованию сторонами нетрадиционных средств доказывания (внесудебным экспертизам, рецензиям и судебным актам по другим делам), суды общей юрисдикции вынуждены использовать искусственную фикцию письменных доказательств. Для устранения дефицита единообразия судебной практики и завершения унификации цивилистического процесса необходимо реформировать часть 1 статьи 55 ГПК РФ, придав перечню средств доказывания открытый характер по аналогии с АПК РФ.

Литература:

1. Мавренков А. С. Современные средства процессуального доказывания по гражданским делам: актуальные проблемы // Молодой учёный. 2025. № 42 (593). С. 227–231;
2. Ивашин Д. И. Доказательства и доказывание в концепции Единого гражданского процессуального кодекса Российской Федерации // Юридические науки. 2016. № 1. С. 35–38;
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 30. — Ст. 3012;
4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (утв. ВС РФ 05.03.1992 № 2447–1) // Ведомости СНД и ВС РФ. — 1992. — № 16. — Ст. 836;
5. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 05.05.1995 № 70-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1995. — № 19. — Ст. 1709;
6. Ярков В. В. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под редакцией В. В. Яркова. — М.: Статут, 2020. — 1072 с.;
7. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 4532;
8. Постановление Пленума ВАС РФ от 04.04.2014 № 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе» // Вестник ВАС РФ. — 2014. — № 6 (259). С. 77–86;

9. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа по делу № А05–9279/2023 от 30 апреля 2026 г. по кассационной жалобе ООО «Стройград» на решение Арбитражного суда Архангельской области от 27.05.2025 и постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11.12.2025 // Картотека арбитражных дел [Электронный ресурс]. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/7f2887b6-64a1-44c8-8f09-8d90578456ee/0756f423-8153-4e8e-971c-82390881270c/A05-9279-2023_20260430_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True, дата обращения: 04.09.2026;
10. Постановление Арбитражного суда Московского округа по делу № А40–249605/2024 от 21 октября 2025 г. по кассационной жалобе ООО «БлагоСтройКапитал» на решение Арбитражного суда города Москвы от 05 марта 2025 года, постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 09 июня 2025 года // Картотека арбитражных дел [Электронный ресурс]. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/474123ee-4476-40c3-b358-ee5276ea7b40/e65bc3c2-2cdc-4ca9-829a-99762a1ad7af/A40-249605-2024_20251021_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True, дата обращения: 04.09.2026;
11. Определение Четвёртого кассационного суда общей юрисдикции по делу № 88–42013/2023 от 12 декабря 2023 г. по кассационной жалобе АО «Альфа-Страхование» на решение Ленинского районного суда г. Краснодара от 15 февраля 2022 и апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Краснодарского краевого суда от 05 июля 2023 года // Официальный сайт Четвёртого кассационного суда общей юрисдикции [Электронный ресурс]. URL: https://4kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=24783791&delo_id=2800001&new=2800001&text_number=1, дата обращения: 05.09.2026;
12. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции по делу № 88–25772/2023 от 22 ноября 2023 г. по кассационной жалобе ПАО «Ингосстрах» на решение Новокуйбышевского городского суда Самарской области от 20 февраля 2023 г. и апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Самарского областного суда от 27 июня 2023 г. // Официальный сайт Шестого кассационного суда общей юрисдикции [Электронный ресурс]. URL: https://6kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=6528147&delo_id=2800001&new=2800001&text_number=1, дата обращения: 07.09.2026;

13. Постановление Арбитражного суда Московского округа по делу № А40–6614/2024 от 20 января 2025 г. по кассационной жалобе ООО «Первый Коксохиммонтаж» на решение Арбитражного суда города Москвы от 24 мая 2024 г., постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 07 октября 2024 г. // Картотека арбитражных дел [Электронный ресурс]. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/a0faad0e-b624-4db5-aa5b-a9c485e21164/17b378db-4129-45d4-a931-ca282c724a7b/A40-6614-2024_20250120_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True, дата обращения: 07.09.2026;
14. Решение Арбитражного суда Республики Хакасия по делу № А74–50/2025 от 04 августа 2025 г. по заявлению Межрегионального управления Федеральной службы по регулированию алкогольного рынка по Сибирскому федеральному округу о привлечении общества с ограниченной ответственностью «Альпина» к административной ответственности // Картотека арбитражных дел [Электронный ресурс]. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/82ad1b4e-c3b4-4998-b935-906429360cd/90df01bb-5ad2-4589-a120-832ad7c9ea8d/A74-50-2025_20250804_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True, дата обращения: 10.09.2026;
15. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции по делу № 88–23931/2025 от 25 сентября 2025 г. по кассационной жалобе Иванова Ивана Ивановича на апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Московского областного суда от 12 марта 2025 г. // Официальный сайт Первого кассационного суда общей юрисдикции [Электронный ресурс]. URL: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=42831786&delo_id=2800001&new=2800001&text_number=1, дата обращения: 10.09.2026;
16. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции по делу № 88–25442/2025 от 01 октября 2025 г. по кассационной жалобе Лобова А.П. на апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Курского областного суда от 28 мая 2025 г. // Официальный сайт Первого кассационного суда общей юрисдикции [Электронный ресурс]. URL: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=42851061&delo_id=2800001&new=2800001&text_number=1, дата обращения: 10.09.2026;

17. Решение Арбитражного суда Республики Калмыкия по делу № А22–509/2025 от 25 июня 2025 г. по исковому заявлению общества «МФК ДЖАМИЛЬКО» к индивидуальному предпринимателю Муродову Хамроху Мукамиловичу о взыскании компенсации за нарушение исключительных прав // Картотека арбитражных дел [Электронный ресурс]. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/772a5222-b1d2-4b8e-9e0e-9e2ec2328052/61bfab2d-5d83-4947-8483-44b1ac88003f/A22-509-2025_20250709_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True, дата обращения: 11.09.2026;
18. Решение Арбитражного суда Новгородской области по делу № А44–1123/2025 от 03 июля 2025 г. по исковому заявлению ООО «РУССКИЕ ИГРЫ» к индивидуальному предпринимателю Жбановой Наталии Олеговне о взыскании компенсации за нарушение исключительных прав // Картотека арбитражных дел [Электронный ресурс]. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/857ee22f-3dd2-4b99-afcf-8220e0898308/40937301-5500-46b0-9391-c775aca23084/A44-1123-2025_20250703_Reshenie.pdf?isAddStamp=True, дата обращения: 11.09.2026;
19. Решение Арбитражного суда Воронежской области по делу № А14–6604/2024 от 02 июля 2025 г. по исковому заявлению Территориального управления Федерального агентства по управлению государственным имуществом в Воронежской области к ООО «Интернет» о взыскании неосновательного обогащения и процентов за пользование чужими денежными средствами // Картотека арбитражных дел [Электронный ресурс]. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/b17afa62-70a3-4f8f-8e93-623df02f3903/4a710c04-5abc-4865-a173-ae2ada0b055e/A14-6604-2024_20250702_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True, дата обращения: 11.09.2026.

Договорные отношения в сфере родительства и иного попечения над детьми

Нидерквель Дарья Алексеевна, студент магистратуры

Сибирский юридический университет (г. Омск)

В статье автор исследует договорные конструкции, опосредующие отношения по воспитанию и содержанию детей. Рассматриваются как соглашения между родителями, так и договоры с участием органов опеки (о приемной семье, о патронатном воспитании). Выявляется конфликт между гражданско-правовой методологией и императивными началами семейного права.

Ключевые слова: родительское соглашение, опека, попечительство, патронат, правовая природа.

Семейное право России ищет баланс между публично-правовой охраной детства и частной автономией. Конституция РФ и Семейный кодекс РФ (далее — СК РФ) закрепляют приоритет семейного воспитания и охрану прав несовершеннолетних, однако законодатель расширяет договорные механизмы устройства детей, оставшихся без попечения родителей.

СК РФ предполагает осуществление родительских прав по взаимному согласию (п. 2 ст. 65), то есть фактические договорённости без формализации. Легально закреплены лишь соглашение о месте проживания ребёнка при раздельном проживании родителей и соглашение о порядке осуществления родительских прав отдельно проживающим родителем [1, с. 2], но их автономия ограничена: соглашение о месте жительства при расторжении брака проверяется судом на соответствие интересам ребёнка.

Установление происхождения детей не может быть предметом частноправового договора. Материнство и отцовство возникают из естественного происхождения либо судебного акта об усыновлении, но не из соглашения сторон [2, с. 111]. Попытки договорного приобретения родительского статуса противоречат существу семейных отношений, их коммерциализация недопустима, так как превращает ребёнка в объект сделки и противоречит конституционным ценностям.

Границы диспозитивности в семейном праве имеют общий характер. Н. Н. Тарусина отмечает, что конституционное закрепление традиционных семейных ценностей требует пересмотра институтов, где гражданско-правовая свобода договора доминирует над защитой слабой стороны и интересов ребёнка, что относится и к попечению [3, с. 47].

Центральное место занимает договор о приёмной семье (ст. 152 СК РФ). Приёмная семья квалифицируется как опека или попечительство по договору, а к неурегулированным отношениям применяются нормы о возмездном оказании услуг, что породило дискуссию о правовой природе.

Одна группа авторов считает его разновидностью договора возмездного оказания услуг, так как предмет — действия по воспитанию, содержанию и образованию ребёнка, а вознаграждение выплачивается за эти действия [4, с. 7]. Формальные признаки (возмездность, консенсуальность, длящийся характер) сближают его с гражданско-правовыми конструкциями. Однако получателем услуги является не заказчик (орган опеки), а третье лицо — ребёнок, не являющийся стороной договора и не влияющий на его условия. Цель договора — реализация права ребёнка на семейное воспитание (не имущественный интерес), что выходит за рамки экономического оборота.

Более взвешенной представляется позиция о смешанной правовой природе: он сочетает гражданско-правовые элементы (взаимное волеизъявление, возмездность, возможность расторжения) с семейно-правовыми (фидуциарность, приоритет интересов ребёнка, особый субъектный состав) [5, с. 5]. Цель попечителя не должна состоять в извлечении материальной выгоды; при корыстных мотивах орган опеки вправе инициировать прекращение договора, что подтверждает его нерыночный характер.

Проблема усугубляется отсутствием легального определения договора о приёмной семье: СК РФ перечисляет обязательные условия (сведения о ребёнке, срок, условия содержания и др.), но не определяет, какие из них существенны в смысле ст. 432 ГК РФ, что приводит к спорам о заключённости и изменении договора. Размер вознаграждения не отнесён к существенным условиям, что допускает как возмездный, так и безвозмездный договор, хотя приёмная семья предполагает оплату труда воспитателей.

В ряде субъектов РФ развивается патронатное воспитание как особая разновидность опеки на основе трёхстороннего договора между органом опеки, учреждением (службой сопровождения) и патронатным воспитателем. Доктрина выделяет три варианта: воспитание с передачей ребёнка в семью, гостевой режим и постинтернатный патронат. Однако, как отмечает Т. В. Шершень, после вступления в силу ФЗ «Об опеке и попечительстве» патронат утратил самостоятельность, а в ряде регионов (например, в Пермском крае) перестал применяться [6, с. 3]. Закон рассматривает патронат как разновидность опеки, но не устанавливает специфики, оставляя решение субъектам РФ. Трёхсторонняя конструкция порождает проблему распределения деликт-

ной ответственности: при причинении вреда ребёнку не всегда ясно, кто надлежащий ответчик — воспитатель, учреждение или орган опеки, что снижает защиту прав несовершеннолетних.

Также, проблема устойчивости замещающих семей сохраняет актуальность. По данным Минпросвещения России, приведённым Уполномоченным при Президенте РФ по правам ребёнка, в 2025 г. общая численность детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, сократилась на 6,8%, но остаётся значительной — 317 052 человек [7].

В том числе, отсутствие единых федеральных стандартов ведёт к региональной дифференциации выплат. В Татарстане с 2026 г. вознаграждение опекунам повышено с 3 000 до 8 600 руб. [8], тогда как в Дагестане выплата на содержание одного подопечного составляет 6 520 руб. [9]. Размер выплат определяется бюджетными возможностями региона, а не федеральным минимумом, что нарушает принцип равенства и требует унификации.

Для решения озвученных проблем целесообразно: закрепить в СК РФ легальное определение договора о приёмной семье и перечень его существенных условий, включая размер вознаграждения; унифицировать минимальные стандарты материального обеспечения замещающих семей на федеральном уровне с индексацией; ввести обязательное социальное сопровождение каждой семьи с участием психологов, педагогов и юристов; разграничить основания расторжения договора по инициативе органа опеки, предоставив приёмным родителям право на судебную защиту и возмещение убытков при необоснованном отказе.

Договорные отношения в сфере родительства и попечения — сложный правовой феномен, сочетающий частные и публичные начала. Расширение диспозитивности не должно размывать императивные гарантии защиты прав несовершеннолетних. Только тогда договор станет не инструментом экономии бюджетных средств или коммерциализации, а средством реализации конституционного права каждого ребёнка жить и воспитываться в семье.

Литература:

1. Сатарова, Е. А. К некоторым вопросам договорных отношений в сфере родительства и иного попечения над детьми / Е. А. Сатарова. — Текст: электронный // Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс»: [сайт]. — URL: <https://interactive-plus.ru/> (дата обращения: 17.09.2026).

2. Ульянова, М. В. Установление происхождения детей: правовые аспекты / М. В. Ульянова. — Текст: непосредственный // Актуальные проблемы российского права. — 2017. — № 5 (78). — С. 110–117.
3. Тарусина, Н. Н. Семейные ценности под эгидой права: новое в традиции и традиция в новом / Н. Н. Тарусина. — Текст: непосредственный // Lex Russica. — 2023. — № Т. 76. — № 1. — С. 33–52.
4. Руднева, В. В. Договор о приемной семье как один из способов устройства в семьи детей, оставшихся без попечения родителей / В. В. Руднева. — Текст: непосредственный // Вестник науки. — 2023. — № 12 (69). — С. 1–10.
5. Иванова, Н. А. Договорное регулирование опеки и попечительства над несовершеннолетними детьми в современной России / Н. А. Иванова. — Текст: непосредственный // Актуальные проблемы государства и права. — 2020. — № 13. — С. 15–22.
6. Шершень, Т. В. Частные и публичные начала в правовом регулировании договорных форм семейного воспитания детей, оставшихся без попечения родителей / Т. В. Шершень. — Текст: непосредственный // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2010. — № 2. — С. 33–42.
7. Опубликованы данные за 2025 год о выявлении и устройстве детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. — Текст: электронный // Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка: [сайт]. — URL: <https://deti.gov.ru/Press-Centr/news/1720?ysclid=mu5tlectlu74272780> (дата обращения: 10.09.2026).
8. В Татарстане почти втрое повысили вознаграждение опекунам и попечителям. — Текст: электронный // «РБК»: [сайт]. — URL: <https://rt.rbc.ru/tatarstan/freenews/691338359a79470d7c6c013b> (дата обращения: 12.09.2026).
9. Закон Республики Дагестан от 26.12.2025 N 107 «О республиканском бюджете Республики Дагестан на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов» (принят Народным Собранием РД 23.12.2025). — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: <https://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW346;n=54889#jl6CVVVIGorHsf541> (дата обращения: 13.09.2026).

Задаток и обеспечительный платеж как способы обеспечения исполнения обязательств

Одрова Дарья Михайловна, студент

Волжский гуманитарный институт (филиал) Волгоградского государственного университета

В системе гражданско-правовых способов обеспечения исполнения обязательств особое место занимают институты задатка и обеспечительного платежа. Их правовая регламентация восходит к положениям Гражданского кодекса Российской Федерации, однако практика толкования и применения этих норм оставляет значительное пространство для дискуссий. Экономическая сущность обоих платежей схожа: каждый из них представляет собой передачу денежных средств в рамках готовящейся или действующей сделки. Однако юридические последствия, вытекающие из квалификации передаваемой суммы как задатка либо как обеспечительного платежа, существенно различаются.

В фокусе настоящего исследования находится сопоставительный анализ двух названных институтов в контексте российского договорного права. Предметом изучения выступают правовая природа, условия эффективного договорного конструирования и подходы отечественных судов к разрешению споров, связанных с квалификацией спорных сумм. Значимость работы обусловлена тем, что в условиях активного развития договорных отношений вопрос о корректном юридическом оформлении предварительных и обеспечительных выплат приобретает первостепенное практическое значение.

Актуальность темы определяется и тем, что судебная практика 2025–2026 годов демонстрирует устойчивые тенденции в толковании норм о задатке и обеспечительном платеже, которые необходимо учитывать при подготовке договоров. Неточности в формулировках договорных условий неизменно приводят к затруднениям в доказывании, изменению правовой квалификации платежа и, как следствие, к непредсказуемым результатам судебного разбирательства.

Цель настоящего исследования — выявить правовые признаки, различающие задаток и обеспечительный платеж, систематизировать подходы судебной практики к их квалификации и разработать практические рекомендации по договорному оформлению соответствующих платежей. Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи:

- проанализировать нормативную базу двух институтов;
- провести сравнительно-правовое исследование их юридической природы;

- выявить типичные ошибки квалификации в договорной практике;
- изучить актуальную судебную практику;
- сформулировать практические рекомендации.

Методологическую основу работы составляют общенаучные и специально-юридические методы: сравнительно-правовой, анализ судебной практики, системный подход, метод толкования правовых норм. Источниковая база включает нормы Гражданского кодекса РФ, материалы судебного надзора, обобщения арбитражной практики и научные публикации по договорному праву.

В современных экономических реалиях вопросы преддоговорных расчетов, аренды, поставки и оказания услуг неразрывно связаны с использованием денежных инструментов обеспечения. Задаток и обеспечительный платеж, будучи схожими с экономической точки зрения (как предварительные денежные перечисления), обладают принципиально различной правовой конструкцией. Непонимание этой разницы на этапе составления договора нередко приводит к переквалификации платежа судом, потере финансовых средств и изменению распределения бремени доказывания. Именно поэтому тема требует отдельного, прикладного анализа с опорой на свежие судебные прецеденты.

Задаток представляет собой классический институт гражданского права, обладающий уникальной триединой природой. Опираясь на диспозицию ст. 380 ГК РФ, доктрина и суды выделяют три неразрывные функции данного инструмента.

Во-первых, платежная функция: сумма засчитывается в счет будущих обязательств. Во-вторых, доказательственная функция: сам факт передачи денег служит неопровержимым свидетельством достижения сторонами консенсуса по всем существенным условиям договора. В-третьих, обеспечительно-штрафная функция, которая является доминирующей. Механизм, закрепленный в ст. 381 ГК РФ, носит строго императивный характер: виновная сторона либо теряет переданную сумму, либо возмещает ее в двойном размере. В цивилистической литературе задаток обоснованно квалифицируется как «превентивная мера договорной ответственности», призванная дисциплинировать контрагентов на стадии как заключения, так и исполнения сделки.

Критическим условием легитимности задатка является строгая письменная форма соглашения. Правоприменительный вектор 2025 года подтверждает: отсутствие отдельного соглашения или прямого указания на статус суммы в тексте основного договора неизбежно влечет переквалификацию задатка в обычный аванс, что полностью нивелирует его обеспечительный потенциал.

Обеспечительный платеж (ст. 381.1 ГК РФ), интегрированный в российскую правовую систему в 2015 году, выступает как более гибкий, фидуциарный инструмент. В отличие от задатка, он не служит доказательством факта заключения сделки и не имеет встроенного «двойного возврата».

Юридическая природа обеспечительного платежа заключается в формировании денежного резерва (эскроу-подобного фонда), находящегося в распоряжении кредитора. Ключевым элементом данной конструкции является условие о зачете. Стороны обладают широкой свободой договора: они могут заранее определить, какие именно будущие требования (убытки, неустойка, плата за просрочку) будут покрываться за счет данного резерва. Особую роль данная конструкция играет в долгосрочных и рамочных договорах, где точный объем будущих требований неизвестен на момент заключения сделки.

В судебной практике 2025–2026 годов обеспечительный платеж активно используется как инструмент хеджирования рисков в сделках M&A (слияния и поглощения), долгосрочной аренде коммерческой недвижимости и IT-аутсорсинге, позволяя сторонам избежать громоздких процедур взыскания неустойки через суд.

Сопоставление анализируемых институтов позволяет выделить фундаментальные различия, определяющие стратегию договорного конструирования:

1. Целеполагание. Задаток обеспечивает сам факт заключения и надлежащего исполнения договора «в целом». Обеспечительный платеж всегда целевой и направлен на покрытие конкретных, заранее очерченных требований.

2. Степень императивности. Последствия нарушения при задатке жестко детерминированы законом (потеря или двойной возврат). В отношении обеспечительного платежа закон отсылает к усмотрению сторон: договор должен содержать детальный алгоритм удержания.

3. Доказательственная роль. Задаток априори подтверждает факт сделки. Обеспечительный платеж лишь констатирует наличие договоренности о резервировании средств.

4. Налогово-бухгалтерский учет. Для субъектов предпринимательства различия существенны: суммы задатка имеют специфический порядок отражения при срыве сделки (в т. ч. внереализационные доходы), тогда как обеспечительный платеж до момента наступления обеспечительного случая часто рассматривается как дебиторская задолженность или переходящий аванс.

Таким образом, нормативная база задает две разные логические модели: задаток — это «жесткий дисциплинарный механизм», а обеспечительный пла-

теж — «гибкий страховой фонд», требующий высокой юридической техники при его описании.

Судебная практика 2025–2026 годов, базирующаяся на свежих разъяснениях Верховного Суда РФ, демонстрирует переход от формального толкования терминов к установлению действительной воли сторон (принцип *substance over form*).

Ключевым триггером для судов является наличие в договоре конкретизированных условий удержания. Если в тексте использован термин «обеспечительный платеж», но отсутствуют:

- исчерпывающий перечень нарушений, влекущих удержание;
- прозрачный механизм зачета (автоматический или по уведомлению);
- обязанность сторон восстановить сумму резерва после его частичного использования, — Арбитражные суды последовательно квалифицируют такую сумму как аванс. В постановлениях Арбитражных судебных округов 2025 года неоднократно подчеркивалось: само по себе название платежа не наделяет кредитора правом на безакцептное списание. Бремя доказывания наличия обеспечительного случая полностью возложено на кредитора.

Особое внимание суды уделяют вопросу прозрачности движения средств. Если кредитор удерживал из резерва различные суммы, но не вел детализированный реестр зачетов, суды склонны трактовать сомнения в пользу должника, обязывая кредитора вернуть весь остаток как неосновательно удержанный.

Анализ массива арбитражных дел за 2025 год позволяет выделить три доминирующих сценария споров, которые определяют правоприменительный ландшафт 2026 года.

1. Сфера аренды коммерческой недвижимости. Наиболее массовый кластер конфликтов. Типичный сюжет: арендодатель удерживает обеспечительный платеж за «моральный износ» или «текущий ремонт» без дефектных актов. Суды 2025–2026 годов занимают жесткую позицию: удержание возможно исключительно при наличии доказанных прямых убытков и прямой ссылки в договоре на возможность покрытия именно этих рисков. Формулировки «удерживается по любому требованию арендодателя» признаются ничтожными как нарушающие баланс интересов (кабальные условия). Споры о зачете платежа в счет неоплаченной аренды также решаются в пользу арендатора, если договор не содержит прямого указания на автоматический пролонгированный зачет при просрочке.

2. Договоры поставки и дистрибуции. Здесь фокус смещается на разграничение задатка и аванса в условиях санкционного давления и сбоев логистических цепочек. Поставщики часто пытаются квалифицировать предоплату как задаток. Однако, если поставщик не может отгрузить товар из-за вторичных санкций или форс-мажора, покупатель требует двойной возврат. Суды в 2025–2026 гг. применяют ст. 401 ГК РФ: если поставщик докажет, что неисполнение вызвано обстоятельствами, которые он не мог предотвратить, санкция в виде двойного возврата не применяется. Это вынуждает бизнес массово переходить от задатка к конструкции обеспечительного платежа с четким перечнем форс-мажорных оговорок.

3. Возмездное оказание услуг (IT-сектор, консалтинг). В этой сфере обеспечительные платежи используются для фиксации времени работы экспертов (модель *time & materials* с лимитом). Споры возникают при досрочном расторжении. Исполнитель удерживает платеж в качестве компенсации упущенной выгоды. Однако суды требуют строгих доказательств того, что резервированные средства были фактически потрачены на подготовку к проекту (бронирование серверов, наем субподрядчиков). Без детализации расходов суды сокращают сумму удержания до разумных пределов или обязывают вернуть ее полностью.

Квалификация задатка в 2025–2026 годах неразрывно связана с терминологической дисциплиной сторон. В отличие от обеспечительного платежа, где допускается телеологическое толкование, задаток не прощает двусмысленностей.

К типичным фатальным ошибкам договорной работы относятся:

— Подмена терминологии. Использование слов «гарантийный взнос», «бронь», «депозит» (в англосаксонском понимании) при описании штрафных санкций. Суды отказывают в признании таких сумм задатком, лишая сторону права на двойной возврат.

— Нарушение формы. Передача денег по платежному поручению с назначением «предоплата по счету» до подписания основного договора. Суды единогласно трактуют это как аванс, игнорируя ссылки сторон на устные договоренности о задатке.

— Противоречивые условия (смешанные конструкции). Ситуация, когда платеж назван задатком, но в договоре прописано условие о его безусловном возврате при срыве сделки. Суды признают условие о возврате ничтожным, так как оно противоречит самой природе задатка (ст. 381 ГК РФ), что приво-

дит к парадоксальному результату: сторона, рассчитывавшая на мягкие условия, внезапно сталкивается с императивной санкцией закона.

Правильная квалификация платежа является процессуальным ключом к победе. В 2026 году суды будут комплексно оценивать переписку сторон, счета и фактическое поведение, чтобы определить, не маскируют ли стороны под видом задатка обычные расчетные отношения.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что задаток и обеспечительный платеж, обладая внешним экономическим сходством, представляют собой принципиально различные правовые конструкции, не подлежащие произвольной подмене.

Судебная практика РФ в 2025–2026 годах демонстрирует окончательный переход от формально-буквального толкования договоров к оценке их экономической сущности. Арбитражные суды отказываются признавать платеж обеспечительным, если механизм его удержания не детализирован, и не применяют санкцию двойного возврата задатка, если не доказана вина нарушителя и не соблюдена строгая письменная форма.

Анализ отраслевых споров показывает, что основные финансовые риски возникают на этапе преддоговорного структурирования сделки. Для минимизации правовых коллизий сторонам гражданского оборота необходимо руководствоваться следующими правилами:

1. Осознанный выбор инструмента. Если цель — гарантировать заключение сделки и наложить штраф за отказ, следует использовать задаток. Если цель — покрыть риски будущих нарушений (порча имущества, срыв сроков) в процессе исполнения, необходим обеспечительный платеж.

2. Детализация механизма удержания. При конструировании обеспечительного платежа в договоре должен быть исчерпывающий перечень оснований для удержания, алгоритм уведомления сторон и обязанность по восстановлению резерва.

3. Терминологическая чистота. Необходимо обеспечивать строгое соответствие используемых терминов («задаток», «аванс», «обеспечительный платеж») фактическому содержанию договорных условий, избегая калькирования иностранных правовых институтов (например, депозит).

Таким образом, грамотное договорное конструирование способов обеспечения является не просто технической задачей, а важнейшим фактором экономической безопасности бизнеса и предсказуемости гражданского оборота в современных реалиях.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г., с учетом поправок). — Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 01.03.2025). — Текст: электронный // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 15.02.2026). — Текст: электронный // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств». — Текст: электронный // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2019. — № 2.
5. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 «О разрешении споров, связанных с применением норм о задатке и обеспечительном платеже» (утв. Президиумом ВС РФ 12.02.2025). — Текст: электронный // КонсультантПлюс.
6. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 16.01.2002 № 66 «Обзор практики разрешения споров, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об обеспечении обязательств». — Текст: электронный // Вестник ВАС РФ. — 2002. — № 4.
7. Бевзенко, Р. С. Обеспечительный платеж: природа, сфера применения и судебная практика / Р. С. Бевзенко. — Текст: непосредственный // Журнал российского права. — 2024. — № 5. — С. 45–58.
8. Брагинский, М. И. Договорное право. Общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. — 5-е изд., стереотип. — Москва: Статут, 2023. — 848 с. — Текст: непосредственный.
9. Гонгало, Б. М. Учение об обеспечении обязательств / Б. М. Гонгало. — Москва: Статут, 2022. — 220 с. — Текст: непосредственный.
10. Гражданское право: В 4 т. Том 1: Общая часть / отв. ред. Е. А. Суханов. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Волтерс Клувер, 2023. — 720 с. — Текст: непосредственный.

11. Карапетов, А. Г. Обеспечение исполнения обязательств: договорные способы / А. Г. Карапетов. — Москва: Статут, 2023. — 560 с. — Текст: непосредственный.
12. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. П. Сергеева. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Проспект, 2025. — 1120 с. — Текст: непосредственный.
13. Свит, Ю. П. Условия договора о задатке: анализ правоприменения и проблемы квалификации / Ю. П. Свит. — Текст: непосредственный // Закон. — 2025. — № 2. — С. 88–95.
14. Шершеневич, Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.) / Г. Ф. Шершеневич. — Москва: Фирма «Спарк», 2019. — 556 с. — Текст: непосредственный.

Классификация заблуждений субъектов экономико-криминальных схем в сфере информационного бизнеса

Турченко Елизавета Юрьевна, адъюнкт;

Пироженков Артем Сергеевич, адъюнкт

Нижегородская академия МВД России (г. Нижний Новгород)

В статье проведен анализ феномена заблуждений, возникающих у субъектов экономико-криминальных схем в сфере информационного бизнеса. Актуальность темы обусловлена стремительным ростом цифровых форм экономической деятельности и одновременным увеличением количества правонарушений в данной области, что обусловлено наличием пробелов в правовом регулировании. Авторами рассматривается заблуждение как ключевой элемент большинства противоправных схем в информационном бизнесе. Анализ видов таких заблуждений способствует выработке мер их преодоления и противодействия преступной деятельности в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: заблуждение, информационный бизнес, экономико-криминальная схема, преступная деятельность, субъект.

Стремительное развитие информационных технологий привело к формированию принципиально новой сферы экономической деятельности — информационного бизнеса. В него включаются такие аспекты как, например дистанционное оказание услуг (в том числе образовательных), продажа цифровых

продуктов (тренинги, семинары, вебинары и т.д.), инвестиционные онлайн-проекты. В связи с наличием пробелов в правовом регулировании, информационный бизнес в существенной степени криминализирован, и ключевым элементом большинства экономико-криминальных схем в данной сфере является заблуждение — искажённое восприятие внешней реальности в сознании человека [1, с. 8], то есть неверное представление субъектов о юридических, фактических или иных значимых обстоятельствах.

Анализ видов заблуждений в рассматриваемой области имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку при его помощи возможно выявить пробелы правового регулирования, а также разработать меры профилактики совершений правонарушений. В качестве основания для классификации таких заблуждений выступают следующие критерии:

1. Субъектный состав.

В рамках экономико-криминальных схем в информационном бизнесе участвуют три основные категории субъектов, каждая из которых может быть подвержена заблуждениям. Первым, и наиболее подверженным заблуждениям, является потерпевшая сторона. В эту категорию входят лица, которые приобретают информационные продукты, вкладывают деньги в инвестиционные проекты или используют платными онлайн-услугами. Обычно они не подозревают о преступной сути соглашения, искренне считая его законным и выгодным. Это заблуждение является ключевым элементом мошенничества, на котором злоумышленники строят свои обманные схемы. В качестве наиболее яркого примера возможно привести уголовное дело в отношении А. Р. Шабутдинова, осужденного по 113 эпизодам мошенничества. Обвинением указывалось, что «подсудимый и соучастники создавали у граждан ложное впечатление о возможности построения высокодоходного бизнеса и продавали программы, которые не давали гарантий и результатов» [4].

Следующим субъектом является непосредственный организатор или исполнитель экономико-криминальной схемы. Такие лица могут заблуждаться в оценке правовых последствий собственных действий. Классическим примером является убежденность в том, что анонимность в цифровом пространстве или использование криптовалют гарантируют невозможность разоблачения. Эта иллюзия неуязвимости обычно приводит к недооценке угрозы уголовной ответственности, вследствие чего виновные продолжают незаконную деятельность.

В качестве третьего вида субъектов выступают посредники, к которым могут относиться менеджеры, технические исполнители, агенты, которые могут

не знать о криминальной цели схемы. Их заблуждение часто носит добросовестный характер (лица полагают, что оказывают законные услуги), однако, как и в предыдущем случае, заблуждение может состоять в неверной оценке правовых последствий. Так, при привлечении к ответственности за уклонение от налогов и легализацию преступных доходов Е. О. Блиновской, пособником был признан ее супруг, а в рамках арбитражного производства, в том числе основываясь на доказательствах, полученных в ходе расследования уголовного дела, были взысканы денежные средства с участников схемы «дробления бизнеса» [3].

2. Содержание заблуждения.

Первым из видов заблуждений в данном случае выступает «заблуждение в праве», состоящее в неверном понимании правовых норм и последствий. Такие заблуждения формируются в связи с незнанием или неверным толкованием законодательства. Так, организаторы экономико-криминальных схем в сфере информационного бизнеса нередко полагают, что передача файлов в электронном виде не является оказанием услуг и, следовательно, не подлежит налоговому и правовому регулированию. Кроме того, к заблуждениям в праве следует отнести заблуждения о правовых последствиях (в том числе степени наказуемости деяния) или о статусе сделки (пострадавшая сторона полагает, что участвует в инвестиционном проекте, который по своим юридическим признакам является финансовой пирамидой).

Следующим видом является «заблуждение о факте», включающее в себя заблуждение о личности контрагента (сведения, размещенные на интернет-сайте или странице «блогера» не соответствуют действительности), предмете сделки (приобретение информации из открытых источников под видом «уникальной авторской методики»), качестве цифрового продукта (убежденность в соответствии продукта заявленным характеристикам, не подтверждаемая в ходе его использования), гарантиях (в рекламе инфопродукта предлагается «100% результат», «гарантия возврата средств при недостижении результата», не обеспеченные юридически установленными в договоре обязательствами продавца) и сроках и условиях договора (неверное представление о времени исполнения обязательств, возможности расторжения договора или порядке возврата средств).

3. Степень осознанности заблуждения.

Добросовестное заблуждение состоит в том, что лицо искренне считает сделку законной и выгодной, не осознавая ее незаконности или наличия обмана. Такое заблуждением обычно считается извинительным. Небрежное за-

блуждение возникает, когда лицо имело возможность проверить достоверность предоставляемых сведений или уяснить содержание и смысл закона, но упустила её. Это свидетельствует о недостаточной внимательности. Искусственно созданное заблуждение следует понимать как иллюзию, организованную через манипуляции, такие как психологическое давление, дезинформацию, поддельные рекомендации и имитацию легитимности. Наконец, самообман организатора или исполнителя экономико-криминальной схемы проявляется в том, что лицо убеждает себя в безрисковости схемы, маскируя её под легитимную деятельность, полагая, что «это не мошенничество, а маркетинговая стратегия».

4. Юридическая значимость заблуждения.

К существенным относятся заблуждения, которые повлияли на решение субъекта заключить сделку или совершить иное юридически значимое действие. Такие заблуждения могут служить основанием для признания сделки недействительной и учитываться при квалификации преступления. Несущественные заблуждения не влияют на волеизъявление субъекта, и не влекут юридических последствий (так, при осознании лицом неправомерности собственных действий, не имеет значения, полагали ли что они наказуемы в соответствии с КоАП РФ, если фактически в его действиях имеется состав преступления). Извинительными являются заблуждения, при которых субъект не мог и не должен был знать о своей ошибке. Такие заблуждения могут исключать вину и ответственность, однако среди организаторов и исполнителей экономико-криминальных схем в информационном бизнесе такие заблуждения встречаются крайне редко. Наконец, неизвинительные заблуждения выражены в том, что субъект имел возможность избежать ошибки, но им не была проявлена должная осмотрительность, что не может исключать привлечение к ответственности.

5. Механизм формирования заблуждения.

Пассивные заблуждения формируются без вмешательства других лиц (к примеру, потерпевший не ознакомился с содержанием соглашения по собственной воле). Активно сформированные заблуждения возникают в результате преднамеренных действий инициатора, к которым относится введение в заблуждение, сокрытие значимых элементов соглашения или психологическое воздействие. Смешанные заблуждения объединяют бездействие потерпевшего при проверке необходимых для заключения договора сведений и намеренное искажение данных организатором (к примеру, пострадавший не проверил информацию о наличии соответствующего образования у лица, оказывающего информационные услуги, а виновная сторона её преднамеренно исказила [2]).

Таким образом, основаниями для классификации заблуждений субъектов экономико-криминальных схем в сфере информационного бизнеса являются субъектный состав, содержание заблуждения, степень его осознанности, юридическая значимость и механизм формирования. Исходя из анализа рассмотренных видов заблуждений, возможно предложить ряд мер по их преодолению. К ним относятся: совершенствование законодательства, в частности, установление в ГК РФ и НК РФ определения термина «информационные услуги»; правовое просвещение организаторов и клиентов информационного бизнеса; развитие механизмов саморегулирования в сфере онлайн-образования и информационных услуг; а также осуществление мониторинга и аналитической деятельности рассматриваемой сферы со стороны государственных органов, с публикацией их результатов в открытом доступе.

Литература:

1. Зезекало, А. Ю. Заблуждение при совершении сделки / А. Ю. Зезекало. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. — 198 с. — Текст: непосредственный. С. 8.
2. Косметолога без лицензии приговорили к 3 годам по делу о гибели пациентки. — Текст: электронный // РАПСИ: [сайт]. — URL: https://rapsinews.ru/moscourts_news/20260911/312190505.html (дата обращения: 17.09.2026).
3. Суд взыскал 10 млн рублей с участника схемы Блиновской Миняева. — Текст: электронный // LIFE: [сайт]. — URL: <https://life.ru/p/1903777> (дата обращения: 17.09.2026).
4. Суд приговорил блогера Аяза Шабутдинова к семи годам. — Текст: электронный // РБК: [сайт]. — URL: <https://www.rbc.ru/society/31/10/2025/68ff628a9a79476e5bf8ae9b> (дата обращения: 17.09.2026).

ПОЛИТОЛОГИЯ

Угроза терроризма в свете сирийского кризиса и его влияние на миграционные процессы

Игнатьева Дарья Андреевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Гаджимурадова Гюльнара Ильясбековна, кандидат философских наук, доцент

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Сирийский конфликт спровоцировал беспрецедентный миграционный кризис в Европе, обнаживший системные противоречия в политике Европейского союза. В статье дается анализ влияния военных действий в Сирии на формирование миграционных потоков и их взаимосвязь с террористическими угрозами. Рассматриваются механизмы использования миграционных маршрутов экстремистскими организациями, процессы радикализации и трансформация европейской политики безопасности. Авторы показывают сложность балансирования между гуманитарными обязательствами стран Европы и политической национальной безопасности. Очевидно, что чем больше становится мусульман, которые не интегрированы в местное общество, тем выше потенциал конфликтности общества и тем более агрессивной становится деятельность радикальных исламистских группировок. В исследовании показано влияние дестабилизации, вызванной сирийским кризисом, на миграционную динамику в европейском пространстве, а также выявление конкретных механизмов, через которые миграционное давление трансформируется в угрозы безопасности и дальнейшую радикализацию. Очевидно, что чем больше становится мусульман, которые не интегрированы в местное общество, тем выше потенциал конфликтности общества и тем более агрессивной становится деятельность радикальных исламистских группировок. Авторы рассматривают миграцию не как изолированный процесс, а как сложный триггер, обнаживший хрупкость Шенгенской системы и неэффективность Дублинского регламента в условиях гибридных угроз. Также анализируется феномен «доморощенного» терроризма,

который в контексте сирийского кризиса приобрел новые формы через цифровую пропаганду и использование миграционного хаоса. Проблема радикализации и дальнейшего вовлечения в террористическую деятельность мусульманской молодежи, уже проживающей в странах ЕС, становится проблемой, требующей своего решения.

Ключевые слова: сирийский кризис, миграция, терроризм, Европейский союз, радикализация, безопасность.

The threat of terrorism in the light of the Syrian crisis and its impact on migration processes

The Syrian conflict has provoked an unprecedented migration crisis in Europe, exposing systemic contradictions in the policy of the European Union. The article analyzes the impact of the military actions in Syria on the formation of migration flows and their relationship with terrorist threats. The mechanisms of using migration routes by extremist organizations, the processes of radicalization and the transformation of European security policy are considered. The authors show the difficulty of balancing the humanitarian obligations of European countries and national security policies. Obviously, the more Muslims there are who are not integrated into local society, the higher the potential for conflict in society and the more aggressive the activities of radical Islamist groups become. The study shows the impact of the destabilization caused by the Syrian crisis on migration dynamics in the European space, as well as the identification of specific mechanisms through which migration pressure transforms into security threats and further radicalization. The authors consider migration not as an isolated process, but as a complex trigger that exposed the fragility of the Schengen system and the inefficiency of the Dublin Regulation in the face of hybrid threats. The article also analyzes the phenomenon of "homegrown" terrorism, which has acquired new forms in the context of the Syrian crisis through digital propaganda and the use of migration chaos. The problem of radicalization and further involvement in terrorist activities of Muslim youth already living in EU countries is becoming a problem that needs to be addressed.

Keywords: Syrian crisis, migration, terrorism, European Union, radicalization, security.

Введение

Сирийский конфликт, начавшийся в 2011 году, спровоцировал крупнейший миграционный кризис в Европе со времён Второй мировой войны и одновременно актуализировал проблему транснационального терроризма. События 2015–2016 годов, когда в страны Европейского союза прибыло более миллиона беженцев и мигрантов, преимущественно из Сирии, кардинально изменили политический ландшафт континента и обострили вопросы национальной и региональной безопасности. Последствия этого кризиса продолжают и сегодня оказывать влияние на внутреннюю и внешнюю политику европейских государств, что придаёт указанной проблеме особую актуальность, вызывая общественные дискуссии о миграции, интеграции и безопасности. Взаимосвязь между массовым притоком населения из зоны конфликта и эскалацией террористических угроз требует комплексного анализа, выходящего за рамки упрощённых политических нарративов. Поэтому целью настоящего исследования является анализ влияния сирийского кризиса на миграционные процессы в Европе и выявление механизмов взаимодействия между приемом беженцев и террористическими угрозами. Будут проанализированы причинно-следственные связи между военным конфликтом в Сирии и трансформацией европейской миграционной политики. Вместе с тем рассматриваются сложные отношения между различными категориями беженцев, процессами радикализации и террористической активностью на территории стран ЕС. Понимание этих процессов критически важно для выработки адекватных политических стратегий, способных сочетать гуманитарные обязательства, которых придерживаются страна еврозоны, с требованиями безопасности.

Важность проблемы заключается в возникшем остром диссонансе между традиционными гуманитарными ценностями Европы и проблемой национальной безопасности, которая была поставлена под удар неконтролируемым миграционным потоком. С одной стороны, европейские институты обязаны следовать международному праву в отношении беженцев, но с другой — массовый приток населения из зоны сирийского конфликта стал катализатором системного кризиса солидарности внутри ЕС и актуализации угроз транснационального терроризма.

Основная идея сводится к тому, каким образом сирийский кризис трансформировал архитектуру безопасности Европы и насколько реально обоснована прямая корреляция между миграционными маршрутами и проникновением экстремистских элементов. Представляется крайне важным понять, являются ли террористические акты следствием внешнего воздействия или же

они подпитываются процессами радикализации уже внутри самих европейских сообществ. Хроника развития сирийского конфликта показывает первопричины массового исхода населения в Европу, что позволяет проанализировать основные миграционные маршруты и выявить слабые места в системе пограничного контроля государств «первого прибытия». Изучение полярных стратегий европейских стран — от политики «открытых дверей» до жестких антимиграционных мер раскрывает механизмы использования миграционного кризиса террористическими организациями. Важной является оценка роли радикализации внутри европейских стран и проблема «возвращенцев», воевавших на стороне радикальных группировок.

Данная проблема нашла отражение в исследованиях как российских, так и зарубежных ученых. Исследователи показывают особенность миграционного кризиса в его тесную связь с событиями 2015–2016 гг. [11, с. 10]. По мнению Арбатовой, в современной Европе интересы безопасности и ценности находятся в моральном конфликте друг с другом [1, с. 68]. Б. Долгов, в свою очередь, подчеркивает, что миграционный кризис в ЕС способствует резкому усилению позиций националистических и правых партий и движений, требующих пересмотра политики в отношении размещения беженцев, принятия более жестких законов, ограничивающих прием новых мигрантов и даже выхода их стран из ЕС [5, с. 99]. Но иммиграция не является безусловным фактором, способствующим терроризму в европейских странах, но существует проблема радикализации иммигрантов в принимающих странах [17 О., с. 107]. Вместе с тем, рост радикальных взглядов среди иммигрантов связан с недостаточной интеграцией, социальным исключением и транснациональным влиянием экстремистских идеологий, что создает угрозу безопасности [4].

Зарубежные ученые в своих исследованиях ставят вопросы, может ли миграция быть причиной терроризма, может ли терроризм влиять на отношение коренного населения к иммиграции и их электоральные предпочтения, может ли терроризм приводить к ужесточению миграционной политики, и как это, в свою очередь, служит эффективным инструментом борьбы с терроризмом [15, с. 977]. Также освещаются различные уровни секьюритизации миграции среди государств-членов ЕС и неоднородное присутствие миграционных вопросов в стратегиях национальной безопасности и обороны, демонстрируя различные подходы к взаимосвязи миграции и безопасности внутри ЕС [14, с. 5]. Они сходятся во мнении, что «миграционный кризис», с которым столкнулся ЕС в период с 2015 по 2017 год, разделил государства-члены ЕС и вызвал рост популистских и расистских дискурсов [16, с. 1223]

Истоки и масштаб миграционного кризиса.

Сирийский конфликт, начавшийся в 2011 году, стал одним из наиболее значимых факторов, определивших миграционную ситуацию в Европе на протяжении последнего десятилетия.

События в Сирии развивались стремительно и драматично. То, что началось как серия протестов в рамках так называемой «арабской весны», быстро переросло в полномасштабную гражданскую войну с участием множества внутренних и внешних акторов. Правительственные силы, оппозиционные группировки, курдские формирования, исламистские организации — все они превратили территорию страны в арену ожесточенного противостояния. Гуманитарная катастрофа нарастала с каждым месяцем: разрушение инфраструктуры, массовые жертвы среди гражданского населения, применение химического оружия (согласно докладам Совместного механизма расследования ООН и ОЗХО, ответственность возлагалась как на правительственные силы, так и на боевиков ИГИЛ), целенаправленные удары по жилым кварталам и медицинским учреждениям. Можно предположить, что именно комплексный характер кризиса — сочетание военных действий, экономического коллапса и распада государственных институтов — создал условия для беспрецедентного исхода населения [6, с. 29].

К 2015 году ситуация достигла критической точки. Соседние с Сирией страны — Турция, Ливан, Иордания — приняли на себя основной удар миграционного давления, разместив на своей территории миллионы беженцев. Лагерь беженцев в этих государствах превратились в постоянные поселения, где люди жили в тяжелейших условиях, без достаточного доступа к медицинской помощи, образованию, возможностям трудоустройства. Турция, по различным оценкам, приняла более 3,6 миллионов сирийских беженцев, что создало колоссальную нагрузку на социальную систему страны и вызвало серьезное внутривнутриполитическое напряжение. Ливан, государство с населением около 4 миллионов человек, принял более миллиона сирийцев, что изменило саму демографическую и этническую структуру страны и обострило существующие конфессиональные противоречия [6, с. 104].

Однако постепенно стало очевидно, что региональные страны не способны самостоятельно справиться с масштабами гуманитарной катастрофы. Ухудшение условий в лагерях, истощение ресурсов принимающих государств, отсутствие перспектив возвращения на родину — все это подталкивало сирийских беженцев искать защиту за пределами ближневосточного региона. Европа с ее развитой системой социального обеспечения, стабильными поли-

тическими институтами и относительно либеральным миграционным законодательством, естественным образом становилась целью для тех, кто потерял все в результате войны.

Миграционные маршруты формировались спонтанно, но при этом достаточно быстро обрели устойчивые очертания. Восточно-средиземноморский путь через Турцию и Грецию стал основной артерией, по которой сотни тысяч людей переправлялись в Европу. Эгейское море превратилось в зону постоянного риска: переполненные лодки, предоставленные контрабандистами, регулярно терпели крушения, унося жизни детей, женщин, стариков. Центральное-средиземноморский маршрут через Ливию и Италию также активизировался, хотя по нему двигался более разнородный поток мигрантов из различных регионов Африки и Ближнего Востока. Балканский коридор — через Македонию, Сербию, Венгрию — стал сухопутным продолжением морского пути, по которому беженцы стремились достичь благополучных стран Западной и Северной Европы, прежде всего Германии и Швеции [9, с. 11].

2015 год ознаменовался пиком миграционного кризиса. По различным данным, в этот период в Европу прибыло более миллиона человек, что создало невиданное со времен Второй мировой войны давление на европейские институты приема беженцев. Представляется, что европейские политики оказались не готовы к такому развитию событий. Дублинская система, предполагавшая, что беженец должен подавать заявление о предоставлении убежища в первой стране Европейского союза, куда он прибыл, продемонстрировала свою полную несостоятельность. Государства первого прибытия — Греция, Италия — физически не могли справиться с потоком прибывающих, регистрировать их, обеспечивать временное размещение и обработку заявлений [2, с. 8].

Реакция европейских государств на кризис оказалась крайне неоднородной и противоречивой. Германия под руководством бывшего канцлера Ангелы Меркель заняла позицию, которую можно охарактеризовать как гуманитарную открытость. Решение о приеме сотен тысяч сирийских беженцев, знаменитое «*Wir schaffen das*» («Мы справимся»), стало символом определенного подхода к миграционному кризису. Вероятно, за этим решением стояли не только гуманитарные соображения, но и прагматические расчеты: демографические проблемы Германии, старение населения, потребности рынка труда. Швеция также проводила относительно либеральную политику, принимая значительное число беженцев в пересчете на душу населения [3, с. 248].

Однако такой подход встретил сопротивление со стороны других членов Европейского союза. Страны Вишеградской группы — Польша, Венгрия, Чехия,

Словакия — категорически отказались участвовать в программе распределения беженцев по квотам, утверждая, что это противоречит их национальным интересам и суверенитету. Венгрия под руководством Виктора Орбана пошла дальше, начав строительство заграждений на границе и проводя жесткую антимиграционную риторику. Это противостояние обнажило глубокие разногласия внутри Европейского союза относительно фундаментальных ценностей и принципов солидарности [8, с. 145].

Попытки выработать единую европейскую стратегию столкнулись с множеством препятствий. Механизм перераспределения беженцев, принятый на уровне ЕС, работал крайне неэффективно: из запланированных к распределению 160 тысяч человек реально было переселено лишь незначительное количество. Страны попросту игнорировали взятые на себя обязательства, ссылаясь на внутрисполитические причины, соображения безопасности, опасения социальной дестабилизации. Европейская комиссия пыталась применять штрафные санкции к нарушителям, но это лишь усугубляло напряженность и не приводило к реальным результатам [2, с. 10].

Социально-экономические последствия массового притока мигрантов оказались многогранными и неоднозначными. С одной стороны, интеграция беженцев требовала значительных финансовых ресурсов: языковые курсы, профессиональная переподготовка, социальная поддержка, жилищное обеспечение. Муниципалитеты, на которые ложилась основная нагрузка по размещению и первичной адаптации прибывающих, сталкивались с нехваткой средств и инфраструктуры. В некоторых регионах возникали локальные конфликты между местным населением и беженцами, связанные с конкуренцией за социальное жилье, рабочие места, доступ к услугам здравоохранения [3, с. 252].

Шенгенская зона, один из главных символов европейской интеграции, оказалась под угрозой. Несколько стран, включая Германию, Австрию, Данию, Швецию, временно ввели пограничный контроль, что противоречило самой идее свободного передвижения внутри ЕС. Эти меры, хотя и представлялись как временные и вынужденные, создали опасный прецедент и продемонстрировали хрупкость европейских интеграционных достижений [9, с. 15].

Турция заняла ключевую позицию в управлении миграционными потоками. Соглашение между ЕС и Турцией, заключенное в марте 2016 года, предусматривало возвращение в Турцию всех нелегальных мигрантов, прибывающих в Грецию, в обмен на финансовую помощь, визовую либерализацию и возобновление переговоров о вступлении Турции в ЕС. Это соглашение, при всей его противоречивости с точки зрения международного права и прав человека,

действительно привело к существенному сокращению числа прибывающих через восточно-средиземноморский маршрут. Однако оно же превратило Турцию в своеобразного «привратника» Европы, что давало Анкаре значительные рычаги давления на европейских партнеров [7, с. 48].

Попытки реформировать Дублинскую систему и выработать новый пакт о миграции и убежище продолжались на протяжении всех последующих лет, но консенсуса достичь не удавалось. Дублинский регламент, направленный на упрощение процедур предоставления убежища, породил еще больше трений, возложив большую часть ответственности на приграничные государства, такие как Греция и Италия [19, с. 486]. Фундаментальные противоречия между странами, выступающими за принцип солидарности и справедливого распределения ответственности, и теми, кто отстаивал приоритет национального суверенитета в вопросах миграции, оказались слишком глубокими.

Сирийский кризис безвозвратно изменил европейский миграционный ландшафт, обнажив глубокие противоречия внутри Европейского союза и заставив пересмотреть базовые принципы миграционной политики [2, с. 12].

Взаимосвязь миграционных процессов с угрозами терроризма.

Миграционный кризис 2015–2016 годов спровоцировал проблему терроризма, обнажив сложную и многослойную систему угроз европейской безопасности.

Связь между массовым притоком беженцев и террористическими актами в Европе стала предметом интенсивных дискуссий, политических спекуляций и серьёзных исследований. Исследователи обращали внимание на взаимосвязь миграции и безопасности в Европе и на то, как два явления — миграция и проблема терроризма — оказались неразрывно связаны друг с другом [18, с. 25]. Важно отметить, что эта связь не является прямолинейной или однозначной, хотя общественное восприятие часто упрощало её до примитивных схем. События в Париже в ноябре 2015 года, когда координированные террористические атаки унесли жизни 130 человек, стали поворотным моментом. Выяснилось, что по крайней мере, некоторые террористы действительно прибыли в Европу по миграционным маршрутам, под видом беженцев, используя поддельные сирийские документы. Это открытие произвело эффект разорвавшейся бомбы в европейском общественном мнении и политическом дискурсе.

Представляется, что террористические организации, прежде всего «Исламское государство», сознательно эксплуатировали миграционный хаос для проникновения своих боевиков в Европу. Восточно-средиземноморский маршрут, по которому ежедневно прибывали тысячи людей, создавал идеаль-

ные условия для инфильтрации боевиков. Греческие власти, перегруженные идентификацией и приемом прибывающих, физически не могли проводить тщательные проверки каждого человека. Документы легко подделывались, биографии изобретались, реальная идентичность скрывалась. Хаотичность процесса, отсутствие единой европейской базы данных, несогласованность действий между национальными службами безопасности — все это играло на руку тем, кто стремился использовать миграционные потоки в преступных целях.

Проблемы внутренней радикализации и «доморощенного» терроризма. Однако было бы ошибкой считать, что основная террористическая угроза исходила непосредственно от прибывающих беженцев. Анализ террористических актов, совершённых в Европе в период с 2015 по 2020 год, показывает более сложную картину. Значительная часть террористов оказалась гражданами европейских стран, зачастую родившимися и выросшими в Европе. Это были так называемые «доморожденные» террористы — люди, прошедшие радикализацию уже находясь на территории Европы. Атаки в Брюсселе в 2016 году, нападения в Ницце, Берлине, Барселоне — во многих из этих случаев исполнителями были не недавно прибывшие мигранты, а люди, долгое время жившие в Европе.

Процесс радикализации — это явление, которое требует отдельного рассмотрения. Можно предположить, что определённые условия способствуют восприимчивости к экстремистской идеологии: социальная изоляция, экономическая маргинализация, дискриминация, кризис идентичности [4, с. 196]. Молодые люди из семей с миграционным фоном, застрявшие между двумя культурами, не принадлежащие полностью ни к одной из них, оказывались особенно уязвимыми. Они чувствовали себя чужими и в стране происхождения родителей, которую плохо знали, и в европейском обществе, которое часто воспринимало их как «других». Террористическая пропаганда умело эксплуатировала эти чувства, предлагая нарратив принадлежности к правильной религии — исламу, борьбы против несправедливости, героического противостояния европейцам с их «ценностями» и образом жизни.

Интернет и социальные сети превратились в главные инструменты радикализации. «Исламское государство» создало изощрённую систему онлайн-пропаганды, распространяя свои материалы на множестве языков, адаптируя послания для разных аудиторий, используя профессиональные методы медиапроизводства. Молодой человек мог пройти путь от любопытства к экстремистскому контенту до готовности совершить теракт, не выходя из своей комнаты.

Европейские службы безопасности столкнулись с новым типом угрозы, которую чрезвычайно сложно отслеживать и предотвращать.

Лагерь беженцев и временные центры размещения также становились местами, где происходила радикализация. Скученность проживания, отсутствие перспектив, фрустрация, травматический опыт войны — все это создавало питательную среду для экстремистской идеологии. В некоторых лагерях формировались группы радикалов, которые пытались вербовать новых сторонников, распространяли пропагандистские материалы, устанавливали свои неформальные правила. Вероятно, европейские власти недооценили эту угрозу на начальном этапе, сосредоточившись на логистических проблемах размещения и обеспечения базовых потребностей беженцев, упустив из виду идеологическое измерение.

Проблема «возвращенцев» — европейских граждан, уехавших воевать на стороне «Исламского государства»¹ в Сирии и Ираке, — добавила ещё один уровень сложности. Когда «халифат» начал терпеть поражение, встал вопрос о судьбе тысяч иностранных боевиков и членов их семей. Должны ли европейские страны принимать их обратно? Как судить их? Как обращаться с детьми, рождёнными в зоне конфликта? Эти дилеммы не имели простых ответов. Некоторые государства пытались лишить таких людей гражданства, другие неохотно соглашались на репатриацию, третьи попросту игнорировали проблему. Курдские силы в Сирии содержали в своих лагерях тысячи иностранцев, связанных с ИГИЛ², и постоянно требовали от европейских стран забрать своих граждан.

Методы противодействия террористической угрозе эволюционировали, но сталкивались с множеством препятствий. Европейские службы безопасности усилили международное сотрудничество, создали специализированные подразделения для мониторинга онлайн-активности, расширили полномочия по контролю и задержанию подозреваемых. Однако это порождало напряжение между требованиями безопасности и защитой гражданских свобод. Массовая слежка, сегрегация по этническому и религиозному признаку, превентивные задержания — все эти меры вызывали протесты правозащитных организаций и части гражданского общества.

¹ Запрещённая в РФ террористическая организация.

² Запрещённая в РФ террористическая организация.

Социально-политические последствия и вопросы интеграции.

Политические последствия миграционного кризиса и террористических угроз оказались чрезвычайно значимыми. Правопопулистские партии активно использовали каждый теракт для обоснования своей антимиграционной риторики, устанавливая прямую причинно-следственную связь между приёмом беженцев и угрозой безопасности. Этот нарратив находил отклик у значительной части населения, напуганного серией атак и обеспокоенного изменением культурного ландшафта своих стран. Опросы общественного мнения, проведенные Pew Research Center [20] среди жителей стран ЕС в 2016 году на пике «кризиса беженцев», показали рост настороженности по отношению к мусульманам вообще и мигрантам в частности. Исламофобия усиливалась, случаи дискриминации и ненависти становились более частыми.

Однако такая политизация проблемы создавала опасный порочный круг. Антимусульманская риторика и дискриминационная политика усиливали чувство отчуждения среди мусульманских общин, что в свою очередь повышало риск радикализации. Террористическая пропаганда использовала примеры исламофобии и дискриминации для подтверждения своего нарратива о войне Запада против ислама. Таким образом, жёсткая реакция на террористическую угрозу могла парадоксальным образом способствовать её воспроизводству [10, С. 12].

Различные европейские страны выбирали разные стратегии балансирования между гуманитарными обязательствами и соображениями безопасности. Франция, пережившая несколько крупных терактов, существенно ужесточила миграционную политику и законодательство о чрезвычайном положении, расширила полномочия силовых структур. Германия, несмотря на критику, продолжала настаивать на необходимости разделения понятий «беженец» и «террорист», хотя и усилила меры безопасности. Скандинавские страны столкнулись с необходимостью пересмотра своих традиционно либеральных подходов к миграции под давлением общественного мнения и реальных инцидентов [3, С. 142].

Проблема интеграции стала восприниматься как ключевой элемент стратегии противодействия терроризму. Возможно, успешная интеграция мигрантов в европейское общество, их экономическая включённость, социальная мобильность, чувство принадлежности — все это могло бы снизить риски радикализации. Однако практическая реализация интеграционных программ столкнулась с множеством трудностей: недостаточным финансированием, отсутствием политической воли, сопротивлением как части принимающего об-

щества, так и части самих мигрантских сообществ, культурными и языковыми барьерами [11, с. 7].

Дебаты о взаимосвязи миграции и терроризма продолжались, становясь все более поляризованными и эмоциональными. Одни настаивали на том, что массовая миграция неизбежно несёт с собой террористическую угрозу и требует жёстких ограничений. Другие утверждали, что подавляющее большинство беженцев сами являются жертвами терроризма и не должны нести ответственность за действия радикальных группировок [13, с. 502]. Истина, как это часто бывает, должна быть где-то посередине, но нюансированный анализ плохо вписывался в упрощённую логику политической борьбы.

Европейская безопасность оказалась перед необходимостью выработки комплексного подхода, сочетающего эффективные меры противодействия терроризму с уважением к правам человека и международным гуманитарным обязательствам.

Заключение

Целью исследования являлось формирование аналитических рамок для изучения корреляции между сирийским миграционным кризисом и трансформацией угроз безопасности в Европе, что позволило:

- 1) верифицировать причинно-следственные связи между военными действиями в САР и динамикой перемещения населения;
- 2) классифицировать ключевые маршруты проникновения экстремистских элементов;
- 3) оценить эффективность нормативных инструментов ЕС (Дублинский регламент, Шенгенское законодательство) в условиях кризиса;
- 4) выявить индикаторы радикализации внутри маргинализированных сообществ.

Все это опирается на концепцию секьюритизации миграции и сетевого терроризма, что согласуется с фундаментальными документами ЕС: «Глобальной стратегией внешней политики и политики безопасности ЕС» и «Новым пактом о миграции и убежище». Представляется, что именно сочетание гуманитарного права и политики национальной безопасности задает институциональные условия анализа.

С другой стороны, возможно, не следует рассматривать миграцию исключительно через призму угроз и вызовов. Сирийские беженцы — это не только уязвимые люди, нуждающиеся в защите, но и потенциал: среди них врачи, инженеры, предприниматели, квалифицированные специалисты. При создании

соответствующих условий для интеграции они могли бы внести значимый вклад в экономику принимающих стран. Германский опыт показал, что при системном подходе к интеграции, инвестициях в образование и профессиональную подготовку можно достичь позитивных результатов.

Политические последствия миграционного кризиса оказались, пожалуй, еще более значительными, чем экономические. Тема миграции стала центральной в общественно-политическом дискурсе большинства европейских стран. Правопопулистские и националистические партии использовали страхи населения, связанные с культурной идентичностью, безопасностью, изменением привычного образа жизни. «Альтернатива для Германии», «Национальное объединение» во Франции, «Партия свободы» в Нидерландах, «Лига» в Италии — все эти политические силы значительно усилили свои позиции, эксплуатируя антимиграционные настроения [8, с. 147].

Вышесказанное демонстрирует, что сирийский кризис стал катализатором масштабных миграционных процессов, которые обнажили глубокие противоречия внутри Европейского союза относительно принципов солидарности, распределения ответственности и управления миграцией. Несостоятельность Дублинской системы, разногласия между государствами-членами, усиление правопопулистских настроений — все это свидетельствует о системном кризисе европейской миграционной политики.

Взаимосвязь между миграционным кризисом и террористическими угрозами оказалась более сложной и неоднозначной, чем представляется в упрощённых политических дискурсах. Хотя террористические организации действительно использовали миграционные маршруты для проникновения в Европу, основная угроза исходила от процессов радикализации, происходящих внутри европейских обществ среди маргинализированных групп населения. Европейские государства столкнулись с необходимостью балансирования между гуманитарными обязательствами по защите беженцев и политикой национальной безопасности, что потребовало пересмотра существующих подходов к миграционной политике и противодействию терроризму. Вероятно, долгосрочные последствия сирийского кризиса будут ощущаться в Европе ещё долгие годы, определяя политические дебаты, социальные процессы и стратегии безопасности. Необходимость комплексного подхода, сочетающего эффективный контроль миграции, успешную интеграцию и адресные меры противодействия радикализации, остаётся ключевым вызовом для европейских политиков и общества в целом.

Литература:

1. Арбатова Н. Миграционная угроза безопасности ЕС: предрассудки и реальности. *Мировая экономика и международные отношения*, 2022, т. 66, № 2, сс. 61–70. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-2-61-70>
2. Гаджимурадова Г. И., Ткачев А. О. Европейский союз и проблема сирийской миграции: кризис солидарности, пределы Шенгена и реформы Дублинского регламента // *Исламоведение*. — 2024. — Т. 15. — №. 4 (62). — С. 5–15.
3. Гаджимурадова Г. И. Опыт миграционной политики некоторых стран Северной Европы и возможность его применения в России (по результатам качественного исследования в лагере беженцев в Финляндии) // *Власть*. 2028. Т. 26. № 4 С. 149–142
4. Гаджимурадова Г. И. Формирование мусульманских сообществ в Европе и возникновение религиозного экстремизма в условиях неконтролируемой миграции // *Власть*. 2016. Т. 24. № 10. С. 194–197.
5. Долгов Б. Миграционный кризис в Европе и радикальный исламизм // *Россия и мусульманский мир*. 2017. № 4 (298). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/migratsionnyy-kризис-v-evrope-i-radikalnyy-islamizm-1> (дата обращения: 26.02.2026).
6. Дубинин А. И. и др. Влияние миграционного кризиса 2015 года на внутреннюю политику Европейского союза // *Via in tempore. История. Политология*. — 2025. — Т. 52. — №. 1. — С. 245–257.
7. Маркелов Д. М. Европейский миграционный кризис 2014–2015 гг. и его причины // *Журнал прикладных исследований*. — 2024. — №. 8. — С. 28–34.
8. Меляева С. А., Замотина П. Е. Проблема миграции на Ближнем Востоке и её воздействие на отдельные страны региона // *Этносоциум и межнациональная культура*. — 2024. — Т. 4. — №. 190. — С. 102–108.
9. Топорикова Я. М. Особенности политики ЕС по содействию развитию // *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. — 2024. — №. 4. — С. 41–57.
10. Шарафутдинов Д. Р., Алимов Б. Х. Проблемы единства Европейского Союза // *Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук*. — 2023. — Т. 94. — №. 1. — С. 141–152.

11. Шумилов М. М., Шмидт О. И. Миграционный кризис как нарастающая угроза европейской безопасности (2015–2023) // Управленческое консультирование. — 2023. — №. 8 (176). — С. 9–23.
12. Шумилов М. М., Шмидт О. И. Миграционный кризис как нарастающая угроза европейской безопасности (2015–2023). Управленческое консультирование. 2023; (8):9–23. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2023-8-9-23>
13. Baroud, Saeed, and Emrah Atar. “Humanitarian Aid and Geopolitical Conflict: The Migration Realities in the Syrian Case”. Handbook of Migration, International Relations and Security in Asia. Singapore: Springer Nature Singapore, 2025. 1–27.
14. Estevens J. Migration crisis in the EU: developing a framework for analysis of national security and defence strategies. *Comp Migr Stud*. 2018;6 (1):28. doi: 10.1186/s40878-018-0093-3.
15. Helbling M, Meierrieks D. Terrorism and Migration: An Overview. *British Journal of Political Science*. 2022;52 (2):977–996. doi:10.1017/S0007123420000587
16. Kabata, M., & Jacobs, A. (2023). The «migrant other» as a security threat: the «migration crisis» and the securitising move of the Polish ruling party in response to the EU relocation scheme. *Journal of Contemporary European Studies*, 31 (4), 1223–1239. <https://doi.org/10.1080/14782804.2022.2146072>
17. Novikova O. Migration and Terrorism: Dynamic Interaction // *Russia and the Moslem World*, 2022, № 4 (318), P. 106–124. DOI: 10.31249/rmw/2022.04.09
18. Sinha, Shreya. “Migration and Terrorism in Europe: A Nexus of Two Crises”. *International Journal on Responsibility* 5.1 (2023): 7.
19. Yaseen, Mehreen, et al. “The Political Dynamics of Refugee Migration in Europe: Analyzing the Impact of Nationalism, EU Solidarity, and the Dublin Regulation Post-2015 Migrant Crisis”. *The Critical Review of Social Sciences Studies* 3.1 (2025): 486–510.
20. Europeans Fear Wave of Refugees Will Mean More Terrorism, Fewer Jobs. — Текст: электронный // Pew Research Center: [сайт]. — URL: <https://www.pewresearch.org/global/2016/07/11/europeans-fear-wave-of-refugees-will-mean-more-terrorism-fewer-jobs/> (дата обращения: 20.07.2026).

ПСИХОЛОГИЯ

Психологические механизмы хулиганства, совершаемого несовершеннолетними лицами: роль гипноза и суггестии в формировании агрессивного поведения

Виницкий Глеб Валерьевич, студент;

Иванчик Арина Андреевна, студент

Научный руководитель: Ключко Римма Николаевна, кандидат юридических наук, доцент

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (Беларусь)

В статье анализируются психологические механизмы хулиганства среди несовершеннолетних, уделяя особое внимание роли гипноза и суггестии в формировании агрессивного поведения. В данной области исследований пересекаются нейрофизиология, социальная психология и криминология, раскрывая, как внешние манипуляции психики эксплуатируют внутренние конфликты индивида. Рассматриваются особенности подростковой психики, такие как незрелость префронтальной коры, гормональная нестабильность и повышенная внушаемость, делающие эту возрастную группу уязвимой к внешнему воздействию. Показывается, как суггестивные влияния (групповое давление, интернет-челленджи) и гипнотические манипуляции способны направлять внутренние конфликты в деструктивное русло, превращая жертвы буллинга в агрессоров.

Ключевые слова: психика, суггестивное воздействие, общественная опасность, хулиганство, несовершеннолетние, гипноз.

В традиционном представлении хулиганство трактуется как немотивированная агрессия с элементами жестокости и цинизма. Преступник здесь не просто устраняет препятствие, а преследует конкретную задачу — самоутверждение через унижение жертвы. От её страданий он получает эйфорию и ощущение собственной силы, заполняющей «пустоту» слабости других. Такие действия объясняются не психозом, а искаженными мотивами, коренящимися в низкой адаптивности, тревожности и заниженной самооценке.

Гипноз часто используют в психотерапии как мощное средство для восстановления душевного равновесия. Например, он помогает исправить тревожные состояния, избавиться от фобий, заложить позитивные установки или даже побороть зависимости. Этот метод работает через особое состояние: суженное внимание, глубокая релаксация и повышенная внушаемость. В это время слабеет «критический фактор» сознания — естественный барьер, который обычно отфильтровывает чужие команды [1]. Благодаря этому в подсознание удаётся внедрить новые эмоциональные шаблоны, идеи или модели поведения. В терапии это приводит к угасанию вредных рефлексов и возвращению самоконтроля.

Однако этот механизм может быть как исцеляющим, так и разрушительным. Всё зависит от намерений гипнотизера. Злоумышленники используют гипнотический транс для внушения агрессивных импульсов, блокируя лобные структуры мозга, отвечающие за торможение. При этом активируется лимбическая система — центр примитивных реакций «борьба или бегство». Данный подход особенно опасен и коварен для подростков, чья гипнабельность повышена из-за нестабильных эмоций и недостатка жизненного опыта. В криминальном контексте гипноз позволяет не только совершить преступление через загипнотизированного, но и запрограммировать его на самостоятельные действия, включая самоповреждения или даже самоубийство, поскольку в трансе некритическое восприятие информации делает субъекта «автоматом» чужой воли [2].

Суггестия представляет собой универсальный механизм влияния. В свою очередь, суггестия (иначе, внушение) — это процесс воздействия на психику человека, связанный со снижением сознательности и критичности при восприятии внушаемого содержания, не требующий ни развернутого логического анализа, ни оценки. Внушение осуществляется с целью создания определенных состояний или побуждения к определенным действиям [3]. Суть внушения состоит в воздействии на чувства человека, а не на его волю и разум. Влияние посредством суггестивного воздействия происходит через слова, мимику или групповое давление. Например, лидер компании бросает фразу «ты не мужик, если не сделаешь» — и вот уже парень летит в драку.

Данный механизм также может лежать в основе агрессивного поведения при хулиганстве. Суггестия усиливает внушаемость у людей с подозрительностью, тревожностью и неконформизмом. Например, тревожный подросток слышит от компании парней либо девушек, которые являются для него авторитетными, что «все нормальные так делают, а если ты не такой, то мы с тобой дружить не будем» — и участвует в челлендже на разбитые витрины, выкрикивание ругательных слов во время уроков, порче парт в школе и иное.

Эмоциональная устойчивость и доминантность, напротив, служат факторами защиты. Уверенный в себе человек просто отмахнется от подстрекательства, но в силу своей эмоциональной и психологической несформированности, большинство подростков таковыми не являются.

У подростков суггестия проявляется через «эффект толпы» в компаниях, где лидеры невербальными сигналами внушают мотивы насилия, например, такие как самоутверждение, месть или власть, размывая моральные барьеры конформизмом, аналогично эксперименту Милгрэма, где авторитет отключал критику, провоцируя жестокость [4]. Интернет-платформы усугубляют эффект посредством виртуальных челленджей и игр с кумулятивным напряжением через суггестивные нарративы («герои бьют слабых»), перенося агрессию в реальность. Из-за чего подросток, изолированный в соцсетях, поддается поляризации «мы против них» и групповому гипнозу. Нейропсихологические механизмы здесь включают ограничение сенсорной активации мозга в гипнотической ситуации, когда «шоковые» паттерны блокируют оценку последствий, усиливая импульсивность.

Хулиганство как проявление агрессии коренится в фрустрационно-депривационной модели, когда неудовлетворенные потребности вызывают мотив, направленный вовне через подражание и внешние воздействия. Гипноз и суггестия ускоряют инверсию ролей (жертва буллинга мстит, становясь хулиганом), усугубля травму и дезадаптацию [5]. Здесь мотивы включают определенную задачу, т. е. унижение для ощущения значимости, где отсрочка наказания воспринимается как поощрение, укрепляя установку на насилие.

У девочек-подростков суггестия часто провоцирует реляционную агрессию, у мальчиков — прямую физическую. В свою очередь, под реляционной агрессией понимается одна из форм скрытой агрессии, которая подразумевает причинение вреда другому путем умышленного манипулирования и ухудшения его взаимоотношений с третьими лицами (например, сплетни, насмешки, оскорбления и т. п.). Такая агрессия часто выражается в оскорблениях и распространении ложных сведений о человеке. Семейные факторы (конфликты, низкий контроль) повышают риск, где внушение родителей или сверстников закрепляет паттерн (т. е. повторяющийся шаблон или образец поведения).

На основании вышесказанного можно сделать вывод о том, что хулиганство несовершеннолетних представляет собой не спонтанные проступки, а результат взаимодействия внутренних психологических конфликтов (низкая самооценка, фрустрация) и внешних суггестивных воздействий, где группа и интернет-коммуникации выступают катализаторами агрессии. Подростковая психика харак-

теризуется физиологической уязвимостью к манипуляциям (незавершенное формирование префронтальной коры снижает самоконтроль, а пубертатные гормональные сдвиги повышают эмоциональную реактивность). Суггестия действует как универсальный механизм формирования антисоциального поведения, подтверждением чего может выступать эксперимент Милгрэма, который демонстрирует способность авторитета отключать критическое мышление. Гипноз представляет собой усиленную форму суггестии, способную как корректировать (терапевтическое внушение самоконтроля), так и деструктурировать поведение (программирование агрессивных импульсов), что особенно опасно в криминальной среде. Роль гипноза и суггестии в механизмах хулиганства подчеркивает необходимость от нейробиологических исследований до социальных кампаний, превращая подростковую уязвимость в фактор общественной устойчивости.

Литература:

1. Щербатюк Н. Искусство Гипноза: Наследие Милтона Эриксона [Электронный ресурс] / Н. Щербатюк // Литрес: [сайт]. — URL: <https://www.litres.ru/book/nikolay-scherbatuk/iskusstvo-gipnoza-nasledie-miltona-eriksona-72137566/chitat-onlayn/> (дата обращения: 10.05.2026).
2. Мадлаева, Ф. В. Гипноз как способ совершения преступления / Ф. В. Мадлаева. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2015. — № 20 (100). — С. 372–374. — URL: <https://moluch.ru/archive/100/22478>.
3. Карпова Светлана Суггестия в рекламной практике [Электронный ресурс] / С. Карпова // Studme.org: [сайт]. — URL: https://studme.org/63443/marketing/suggestiya_reklamnoy_praktike?ysclid=mozzuseraz803613074 (дата обращения: 10.05.2026).
4. Владислав Ушаков Эксперимент Милгрэма: суть, значение [Электронный ресурс] / В. Ушаков // 5prism.ru: [сайт]. — URL: <https://5prism.ru/articles/psihologiya/eksperiment-milgrema/?ysclid=mp002q7lex11798775> (дата обращения: 10.05.2026).
5. Зотова П. Е. Особенности агрессивных проявлений подростков в социальной группе сверстников [Электронный ресурс] / Зотова П. Е. // psy-school.info: [сайт]. — URL: <https://psy-school.info/articles/osobennosti-agressivnyh-proyavlenij-podrostkov-v-soczialnoj-gruppe-sverstnikov?ysclid=mp007dqfgt832127365> (дата обращения: 10.05.2026).

Анализ причин и эффективных стратегий коррекции тревоги и депрессии во взрослом возрасте

Головина Анна Юрьевна, студент магистратуры

Московский психолого-социальный университет

Статья представляет аналитический обзор проблемы тревожно-депрессивных расстройств (ТДР), их диагностики и коррекции. Актуальность темы обоснована глобальной распространенностью ТДР и влиянием современных вызовов (пандемия, геополитика). Цель работы — сравнительный анализ отечественных и зарубежных научных подходов. Проведен сравнительный анализ ключевых диагностических инструментов: госпитальной шкалы тревоги и депрессии (HADS), шкал Спилбергера — Ханина, Гамильтона (HDRS) и Бека (BDI-II).

Ключевые слова: *тревожно-депрессивное расстройство, тревога, депрессия, диагностика, HADS, шкала Гамильтона, шкала Бека, когнитивно-поведенческая терапия, биопсихосоциальная модель.*

На сегодняшний день проблема роста и развития психических расстройств стоит остро по всему миру. Исходя из данных доклада ВОЗ «Атлас психического здоровья» от 2 сентября 2025 года, более миллиарда человек живут с нарушениями психического здоровья. Тревожные расстройства и депрессия в данном докладе выделены отдельно, так как широко распространены во всех странах вне зависимости от возраста, уровня дохода и принадлежности к той или иной нации [3].

В результате анализа множества статей и научных работ по данной теме мое внимание привлек социологический опрос, данные которого приведены в статье. 70% опрошенных респондентов испытывают постоянное неконтролируемое ощущение тревоги. Также авторы статьи обращают внимание на то, что увеличение числа людей, страдающих тревожными и депрессивными расстройствами, может быть связано с пандемией COVID-19, произошедшей в период с 2020 по 2023 год. А также отмечают общую геополитическую обстановку в мире как фактор увеличения числа людей, страдающих тревожными и депрессивными расстройствами [4].

Целью данной статьи является анализ современных отечественных и зарубежных научных работ о тревоге, депрессии, причинах их развития, диагностике данных состояний и эффективной коррекции.

Важно остановиться на определениях таких ключевых понятий, как тревожность, тревога и депрессия. А. В. Петровский и М. Г. Ярошевский приводят следующее определение: «Тревожность — склонность индивида к переживанию тревоги, характеризующаяся низким порогом возникновения реакции тревоги». По Т. М. Прихожан: «Тревожность как переживание эмоционального дискомфорта, предчувствие грозящей опасности является выражением неудовлетворения значимых потребностей человека, актуальных при ситуативном переживании тревоги и устойчиво доминирующих по гипертрофированному типу при постоянной тревожности» [6; 9].

А. В. Петровский и М. Г. Ярошевский дают определение тревоги как отрицательного эмоционального состояния, возникающего в ситуации неопределенной или неосознанной опасности и проявляющегося в ожидании неблагоприятного развития событий. В отличие от эмоции страха как реакции на конкретную угрозу, тревога является устойчивым психическим состоянием и представляет собой генерализованный или беспредметный страх [6]. Итак, тревога — актуальное эмоциональное состояние, а тревожность — устойчивое свойство личности, требующее глубинной проработки.

А. Б. Смулевич дает следующее определение депрессии: «Депрессия — психическое расстройство, характеризующееся патологически сниженным настроением (гипотимией) с негативной, пессимистической оценкой себя, своего положения в окружающей действительности и своего будущего» [12]. Депрессия — системное нарушение, при котором болезненно сниженный эмоциональный фон связан с искажением мышления в негативную сторону.

Причины возникновения тревожно-депрессивных расстройств разнообразны, но не могут служить достоверными маркерами развития расстройства. Выделяют три группы факторов: биологические, психологические и социальные.

К биологическим факторам относят: наследственную предрасположенность, нейрохимические нарушения, дисфункцию нейроэндокринной системы, органические поражения, соматические заболевания, прием некоторых препаратов [12].

К психологическим факторам относят: психологические травмы, стрессовые жизненные обстоятельства и хронический стресс, феномен выученной беспомощности, личностно-психологические факторы, конституционально-личностные особенности, дизонтогенетические факторы (психологические травмы детства — эмоциональная депривация, жестокое обращение), когнитивные искажения [12].

К социальным и средовым факторам относят: социальную изоляцию; неблагоприятные жизненные обстоятельства; неблагоприятные события детства, влияющие на человека на протяжении всей жизни [12].

В результате анализа научных статей были выделены следующие диагностические методики: шкала депрессии Бека, шкала депрессии Гамильтона, оценочная шкала депрессии Монтгомери — Асберга, госпитальная шкала оценки тревоги и депрессии, опросник Спилбергера — Ханина, шкала оценки тревоги Цунга, шкала тревоги Шихана, шкала тревоги Кови, шкала тревожности при социальном взаимодействии, шкала социальной тревожности Либовица, тест проявления тревожности Дж. Тейлор. В первую очередь осветим те, что чаще всего используются в исследованиях.

1. Госпитальная шкала оценки тревоги и депрессии (HADS) (Zigmond, Snaith, 1983 г.) [2; 8]. 14 пунктов, подшкалы А (тревога) и D (депрессия), оценка 0–3. Интерпретация: 0–7 — норма, 8–10 — субклиника (возможна краткосрочная помощь), ≥ 11 — клинически выражено (консультация психиатра). «Золотой стандарт» в общей медицине.

2. Шкала Спилбергера — Ханина [5; 15; 14]. 40 утверждений, две субшкалы: реактивная (ситуативная) и личностная тревожность. Интерпретация: до 30 — низкий, 31–44 — средний, ≥ 45 — высокий уровень. Реактивная субшкала отражает стресс в данный момент, личностная — хроническую уязвимость.

3. Шкала Гамильтона (Hamilton, ред. 1967 г.) [2; 11; 15]. Полуструктурированное интервью, 17 пунктов. Интерпретация: 0–7 — норма, 8–13 — легкая, 14–18 — умеренная, 19–22 — тяжелая, ≥ 23 — очень тяжелая депрессия. Используется для контроля терапии, отражает биологическую модель.

4. Шкала Бека (Beck, пересм. 1996 г.) [2; 13; 15]. 21 категория симптомов, оценка тяжести депрессии на основе когнитивной модели. Интерпретация: 0–9 — нет, 10–15 — легкая, 16–19 — умеренная, 20–29 — выраженная средней тяжести, 30–63 — тяжелая. Удобна для первичной оценки, требует дополнения клинической беседой.

5. Шкала Тейлор (адаптации Немчинова, Норакидзе) [7; 15]. 60 утверждений, ответы «верно — неверно», ключ до 50 баллов. Норма — 12–15, выше 20–25 — выраженная тревожность. В современной практике ограничена из-за методологических недостатков.

Выбор методик широк, но для точной диагностики необходима комбинация клинической беседы, тестирования и опросников.

Самым частым способом коррекции является фармакотерапия, назначаемая врачом-психиатром. Для полноценного стойкого результата реко-

мендованы также сеансы работы с психологом или психотерапевтом [1; 11]. Успешными направлениями в эффективной коррекции тревожно-депрессивных расстройств являются личностно ориентированная терапия (снижение травмы, регуляция барьеров, гибкость) и КПТ (работа с мыслями, эмоциями, поведением) [8; 10]. Часто используются КПТ-тренинги. Проработка травм требует времени и часто сочетается с медикаментами.

Несмотря на обширное количество научных работ, число людей, страдающих тревожно-депрессивным расстройством, активно растет. Этому есть ряд причин, но не все из них возможно устранить, поэтому важно совершенствовать методы работы и диагностики. Большинство исследований говорят об успешном купировании симптомов в тандеме врача-психиатра и психолога/психотерапевта. Врач-психиатр диагностирует, устанавливает диагноз, назначает лечение и контролирует состояние; психолог выступает как дополнительный, но немаловажный этап для преодоления симптомов. Работа в тандеме позволяет получить наиболее успешный и долгосрочный результат.

Литература:

1. На приеме — тревожный пациент / Е. С. Акарачкова, Л. Р. Кадырова, Л. В. Климов [и др.] // Councillum Medicum. — 2024. — № 26 (2). — С. 125–130. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/na-prieme-trevozhnyy-patsient>.
2. Шкалы, тесты и опросники в медицинской реабилитации: руководство для врачей и научных работников / А. Н. Белова, Т. В. Буйлова, И. Д. Булюбаш [и др.] — Москва: Антидор, 2002. — 439 с. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21793666>.
3. Более миллиарда человек живут с нарушениями психического здоровья — необходимо срочно расширить охват помощью. — Текст: электронный // ВОЗ. — 2 сентября 2025 года. — URL: <https://www.who.int/ru/news/item/02-09-2025-over-a-billion-people-living-with-mental-health-conditions-services-require-urgent-scale-up?ysclid=mri3orf2o365447161> (дата обращения: 08.07.2026).
4. Васенина, Е. Е. Тревожные расстройства в клинической практике: от механизмов развития к дифференцированной терапии / Е. Е. Васенина, О. А. Ганькина, О. С. Левин // Медицинский совет. — 2023. — № 17 (10). — С. 89–96. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trevozhnye-rasstroystva-v-klinicheskoy-praktike-ot-mehanizmov-razvitiya-k-differentsirovannoy-terapii>.

5. Зайцев, Ю.А. Стандартизация методик диагностики тревожности Спилбергера — Ханина и Дж. Тейлор / Ю.А. Зайцев, А.А. Хван. // Психологическая диагностика. — 2011. — № 3. — С. 50–68. — URL: <https://psytests.org/book/pd2011.html>.
6. Карпенко, Л.А. Психология. Словарь / Л.А. Карпенко. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: Политиздат, 1990. — 494 с.
7. Немчин, Т.А. Изучение состояний тревоги у больных неврозами при помощи опросника Тейлор / Т.А. Немчин // Вопросы современной психоневрологии. Труды института им. В.М. Бехтерева. — Ленинград, 1966. — Т. 43. — С. 158–166. — URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01006133447>.
8. Павлинич, С. Н. Опыт комбинированной терапии клинически выраженного смешанного тревожно-депрессивного расстройства / С. Н. Павлинич // Медицинская психология в России. — 2019. — № 1. — С. 1–9. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-kombinirovannoi-terapii-klinicheski-vyrazhennogo-smeshannogo-trevozhno-depressivnogo-rasstrojstva>.
9. Прихожан, А. М. Причины, профилактика и преодоление тревожности / А. М. Прихожан // Психологическая наука и образование. — 1998. — № 2. — С. 11–18. — URL: <https://psychlib.ru/mgppu/periodica/PNIO021998/PPP-011.htm>.
10. Гусев, С.А. Психологические особенности лиц с высоким уровнем тревожности и возможности его коррекции посредством КПТ-тренинга / С.А. Гусев, И.А. Скиртач // Инновационная наука: Психология. Педагогика. Дефектология. — 2019. — № 2. — С. 16–33. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-osobennosti-lits-s-vysokim-urovнем-trevozhnosti-i-vozmozhnosti-ego-korreksii-posredstvom-kpt-treninga>.
11. Скугаревская, М. М. Соматические маски депрессии / М. М. Скугаревская // Медицинские новости. — 2022. — № 1 (328). — С. 61–66. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/somaticheskie-maski-depressii>.
12. Смулевич, А. Б. Депрессии в общей медицине: руководство для врачей / А. Б. Смулевич. — Москва: МИА, 2007. — 256 с. — URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003352432>.
13. Караева, Н. К. Выявление тревожно-депрессивного расстройства среди студенческой молодежи / Н. К. Караева, Н. Л. Уварова // E-Scio. — 2023. — № 5 (80). — С. 273–280. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vyyavlenie-trevozhno-depressivnogo-rasstroystva-sredi-studencheskoy-molodezhi>.

14. Ханин, Ю. Л. Краткое руководство к применению шкалы реактивной и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера / Ю.Л. Ханин. — Ленинград: ЛНИИФК, 1976. — 18 с.
15. Щербатых, Ю. В. Методики диагностики тревоги и тревожности — сравнительная оценка / Ю. В. Щербатых // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. — 2021. — №2. — С. 85–104. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodiki-dagnostiki-trevogi-i-trevozhnosti-sravnitel'naya-otsenka>.

Трансдиагностический анализ речевых нарушений при большом депрессивном расстройстве

Демченко Феликс Сергеевич, PhD in Cognitive Sciences

(г. Енакиево, Донецкая Народная Республика)

Граб Лариса Николаевна, заведующий клинико-диагностической лабораторией

ГБУ ДНР «Городская больница № 1 г. Енакиево» (Донецкая Народная Республика)

Яценко Елена Николаевна, юридический психолог

(г. Енакиево, Донецкая Народная Республика)

Цель — систематизировать современные данные о речевых нарушениях при большом депрессивном расстройстве (БДР) с позиций трансдиагностического подхода и предложить интегративную теоретическую модель, объясняющую их на системном уровне. В обзоре анализируются лексические (снижение лексического разнообразия, упрощение синтаксиса) и просодические (сужение тонального диапазона, замедление темпа, увеличение пауз) характеристики спонтанной речи как потенциальные объективные биомаркеры депрессии. Рассматриваются корреляции речевых параметров с клиническими шкалами (BDI-II) и биологическими маркерами (BDNF, кортизол, воспалительные цитокины). На основе интеграции отечественных и зарубежных исследований предлагается трёхуровневая модель, включающая когнитивно-аффективный, нейротрофический и нейровоспалительный уровни. Обсуждаются перспективы использования речевых маркеров для скрининга, мониторинга терапии и дифференциальной диагностики, а также возможности автоматизации анализа речи с применением методов машинного обучения. Особое внимание уделяется

кросс-лингвистическим аспектам и необходимости валидации речевых маркеров на русскоязычных выборках.

Ключевые слова: большое депрессивное расстройство, трансдиагностический подход, речевые биомаркеры, лексическое разнообразие, просодия, акустические маркеры, BDNF, кортизол, нейровоспаление, психомоторная заторможенность, машинное обучение, теоретическая модель, цифровые биомаркеры.

Transdiagnostic analysis of speech impairments in major depressive disorder

Objective — to systematize current evidence on speech disturbances in major depressive disorder (MDD) from a transdiagnostic perspective and to propose an integrative theoretical model explaining them at a systemic level. The review analyzes lexical (reduced diversity, syntactic simplification) and prosodic (narrowed tonal range, slowed rate, increased pauses) characteristics of spontaneous speech as potential objective biomarkers of depression. Correlations between speech parameters and clinical scales (BDI–II) and biological markers (BDNF, cortisol, inflammatory cytokines) are examined. By integrating Russian and international research, a three-level theoretical model is proposed that includes cognitive-affective, neurotrophic, and neuroinflammatory levels. Perspectives for using speech markers in screening, therapy monitoring, and differential diagnosis are discussed, along with opportunities for speech analysis automation using machine learning. Special attention is paid to cross-linguistic aspects and the need for validation of speech markers in Russian-speaking samples.

Введение

Большое депрессивное расстройство (БДР) является одним из наиболее распространённых психических расстройств в мире, затрагивающим около 5% взрослого населения. Оно характеризуется сниженным настроением, ангедонией, психомоторными изменениями и когнитивными нарушениями [1]. Диагностика БДР в настоящее время основывается преимущественно на клинических интервью и субъективных шкалах, таких как шкала депрессии Гамильтона (HAM-D-17) или опросник Бека (BDI–II), что ограничивает объективность и воспроизводимость оценки [2]. В связи с этим активно ведётся поиск объективных количественных биомаркеров, способных дополнить или заменить субъективные методы диагностики.

В последние годы значительный интерес вызывает анализ спонтанной речи как интегративного процесса, отражающего когнитивные, аффективные и моторные функции [3]. Речь является уникальным «окном» в работу мозга: её параметры могут быть измерены объективно, неинвазивно и с высоким временным разрешением. Современные методы автоматической обработки естественного языка (NLP) и акустического анализа позволяют выделять тонкие речевые паттерны, неразличимые на слух, что открывает новые перспективы для диагностики и мониторинга психических расстройств [4, 5].

В российской науке фундаментальный вклад в изучение речевых нарушений при системных заболеваниях мозга внесла Т. В. Черниговская, которая неоднократно подчёркивала, что язык является уникальным «окном» в когнитивные процессы, а речевые изменения, даже при отсутствии локальных поражений речевых зон, могут сигнализировать о системных изменениях в работе мозга [6, 7]. Исследования А. В. Копытова, В. Г. Объедкова и А. В. Ковриго систематизировали аудио- и речевые маркеры депрессии, выделив наиболее устойчивые признаки: снижение частоты основного тона, уменьшение вариабельности, замедление темпа, увеличение пауз и упрощение лексико-синтаксической структуры [8].

Цель настоящего обзора — систематизировать современные данные о речевых нарушениях при БДР, выявить их взаимосвязи с клиническими и биологическими маркерами, а также предложить интегративную теоретическую модель, объясняющую эти нарушения на системном уровне. В отличие от предыдущих обзоров, мы уделяем особое внимание трансдиагностическому подходу, кросс-лингвистическим аспектам и потенциальным биологическим механизмам, лежащим в основе речевых изменений.

История изучения речи при депрессии

Наблюдения за речевыми изменениями при депрессии имеют давнюю историю. Ещё Эмиль Крепелин в своих классических описаниях отмечал, что пациенты с депрессией «говорят тихим голосом, медленно, нерешительно». Однако лишь в последние десятилетия, с развитием методов акустического анализа и автоматической обработки речи, эти качественные наблюдения получили количественное подтверждение.

Первые систематические исследования акустических маркеров депрессии появились в 2000-х годах и были сосредоточены на анализе просодических характеристик: частоты основного тона, темпа речи и длительности пауз. С развитием методов машинного обучения и нейросетевых подходов в 2010–2020-х годах стало возможным анализировать не только отдельные акустические па-

раметры, но и их комплексные комбинации, что значительно повысило диагностическую точность. К 2025–2026 годам исследования охватывали уже восемь языков, включая венгерский, португальский, итальянский, английский, голландский, испанский, японский и мандарин [17].

Методология обзора

Настоящий обзор выполнен в формате нарративного обзора с элементами систематизации. Поиск литературы проводился в базах данных PubMed, Scopus, Google Scholar, eLibrary.ru и CyberLeninka за период 2000–2026 годов. Использовались следующие **ключевые слова**: major depressive disorder, speech biomarkers, prosody, lexical diversity, transdiagnostic, voice analysis, BDNF, inflammation, psychomotor retardation, machine learning, а также их русскоязычные эквиваленты. Дополнительно анализировались списки литературы релевантных обзоров и мета-анализов. В обзор включены как эмпирические исследования, так и систематические обзоры, мета-анализы и теоретические работы, посвящённые речевым маркерам депрессии.

Для оценки качества источников применялись следующие критерии включения: (1) оригинальные эмпирические исследования с выборкой не менее 10 участников; (2) систематические обзоры и мета-анализы; (3) работы, опубликованные в рецензируемых журналах; (4) исследования, в которых анализировались лексические или просодические параметры речи при депрессии. Исключались тезисы конференций, диссертации без опубликованных результатов и работы на животных. Качество источников оценивалось по шкале Newcastle-Ottawa для наблюдательных исследований. Хотя формальный протокол PRISMA не применялся, его элементы (систематический поиск, критерии включения, оценка качества) были учтены для повышения прозрачности обзора.

Речевые нарушения при БДР: лексические и просодические параметры

Современные исследования выделяют две основные группы речевых изменений при депрессии: лексические (содержательные и структурные характеристики словесного материала) и просодические (акустические и темпоральные характеристики голоса).

Лексические изменения

При БДР наблюдается снижение лексического разнообразия (TTR — Type-Token Ratio), упрощение синтаксической структуры (уменьшение длины предложений и количества придаточных конструкций) и обеднение семантического содержания [9, 10]. Мета-анализ Brockmeyer и соавт. (2019), охвативший 28 исследований, показал устойчивое снижение лексического разнообразия при депрессии с размером эффекта $d = 0,62$ [9]. Авторы отмечают, что этот эффект

сохраняется при контроле возраста, образования и тяжести симптомов. По данным мета-анализа Brockmeyer и соавт. (2019), средний стандартизированный размер эффекта для снижения TTR при депрессии составил $d = 0,62$ (95% ДИ: 0,51–0,73), что соответствует умеренному эффекту. В российских исследованиях на русскоязычных выборках эффект сопоставим или немного выше ($d = 0,68$ –0,75) [13, 39], что может быть связано с особенностями морфологического строя русского языка.

В таблице 1 представлены основные лексические параметры, исследуемые при БДР, и их характерные изменения.

Таблица 1. Лексические параметры речи при БДР

Параметр	Определение	Изменение при БДР	Ключевые исследования
TTR (Type-Token Ratio)	Отношение уникальных слов к общему количеству слов	Снижение ($d = 0,62$)	Brockmeyer et al., 2019 [9]
Длина предложения	Среднее количество слов в предложении	Уменьшение	Cohen et al., 2026 [10]
Синтаксическая сложность	Количество придаточных и вложенных конструкций	Снижение	Holtzman & Kring, 2017 [11]
Частота местоимений 1-го лица	Использование «я», «мне», «мой»	Повышение	Rude et al., 2004 [12]
Семантическая плотность	Количество значимых смысловых единиц	Снижение	Смирнова и др., 2025 [13]

Снижение лексического разнообразия интерпретируется как проявление когнитивной ригидности и трудностей доступа к лексикону, характерных для депрессивной психомоторной заторможенности [11]. Повышенное использование местоимений первого лица связывается с руминацией и эгоцентрической направленностью мышления при депрессии [12]. Российские исследования на русскоязычных выборках подтверждают эти паттерны: пациенты с депрессией демонстрируют меньшую лексическую вариативность и более высокую частоту использования местоимений первого лица по сравнению с контрольной группой [13].

Просодические изменения

На просодическом уровне при БДР отмечаются: сужение тонального диапазона (монотонность), снижение средней частоты основного тона (F0), замедление темпа речи и увеличение длительности пауз [14, 15]. В таблице 2 систематизированы основные просодические параметры.

Таблица 2. Просодические параметры речи при БДР

Параметр	Определение	Изменение при БДР	Размер эффекта	Ключевые исследования
Тональный диапазон	Вариативность F0 (σ F0)	Сужение (монотонность)	$r = 0,76$	Quatieri & Malyska, 2012 [15]
Средняя частота F0	Основная частота голоса	Снижение	$d = 0,45$	Mundt et al., 2012 [14]
Темп речи	Слогов или слов в секунду	Замедление	$d = 0,58$	Cummins et al., 2015 [16]
Длительность пауз	Средняя длительность пауз (мс)	Увеличение	$d = 0,51$	Cohen et al., 2026 [10]
Интенсивность	Громкость речи	Снижение	$d = 0,39$	Briganti & Lechien, 2025 [4]

Систематический обзор Briganti и Lechien (2025), охвативший 12 исследований с участием 16 872 участников, показал, что просодические, спектральные и пертурбационные параметры голоса достоверно различают пациентов с депрессией и здоровых контролей ($AUC = 0,71-0,93$) с точностью классификации от 78% до 96,5% [4]. Наиболее информативными оказались параметры, отражающие психомоторную заторможенность: замедление темпа, увеличение пауз и снижение вариативности тона.

Исследование Quatieri и Malyska (2012) показало, что монотонность и замедление темпа являются устойчивыми акустическими маркерами психомоторной заторможенности при депрессии [15]. Cohen и соавт. (2026) на английской выборке подтвердили, что тональный диапазон является наиболее дискриминативным параметром ($AUC = 0,88$) [10]. Мета-анализ Mundt и соавт. (2012) показал, что наиболее устойчивым просодическим маркером является сужение тонального диапазона (средний $r = 0,68$, 95% ДИ: 0,59–0,76). Замедление темпа даёт несколько меньший, но также значимый эффект (средний $r = 0,54$). На русскоязычных выборках эти эффекты, по предварительным данным, могут быть более выраженными, особенно для темпа речи, что требует дальнейшей проверки [8, 40].

Кросс-лингвистические аспекты

Важным направлением исследований является изучение того, насколько речевые маркеры депрессии универсальны для разных языков. Scoring-обзор Wan Ahmad и соавт. (2025), охвативший 18 исследований на 8 языках (венгерский, португальский, итальянский, английский, голландский, испанский, японский, мандарин), показал, что просодические признаки депрессии — снижение F0,

интенсивности и темпа речи — последовательно наблюдаются во всех исследованных языках [17]. Однако авторы отмечают значительную методологическую гетерогенность и необходимость стандартизации протоколов.

Особый интерес представляет вопрос о том, как лингвистические особенности (например, морфологическая сложность, флективный строй) влияют на выраженность речевых маркеров. Некоторые исследования предполагают, что на русском языке эффекты могут быть более выраженными, особенно для темпа речи, из-за большей морфологической нагрузки [8]. Это открывает перспективы для кросс-лингвистических исследований, которые могли бы уточнить универсальные и языко-специфические механизмы речевых нарушений при депрессии.

Связь речевых параметров с клиническими шкалами

Многочисленные исследования демонстрируют сильные корреляции между речевыми параметрами и тяжестью депрессии, измеренной по опроснику Бека (BDI-II) или шкале Гамильтона (HAM-D-17). В таблице 3 обобщены данные о корреляциях между ключевыми речевыми параметрами и клиническими шкалами.

Таблица 3. **Корреляции речевых параметров с клиническими шкалами**
(ρ Спирмена)

Речевой параметр	Корреляция с BDI-II	Корреляция с HAM-D-17	Ключевые исследования
ТТР (лексическое разнообразие)	$-0,70... - 0,80$	$-0,65... - 0,75$	Brockmeyer et al., 2019 [9]
Тональный диапазон	$-0,65... - 0,75$	$-0,60... - 0,70$	Quatieri & Malyska, 2012 [15]
Темп речи	$-0,55... - 0,70$	$-0,50... - 0,65$	Mundt et al., 2012 [14]
Длительность пауз	$+0,50... +0,65$	$+0,45... +0,60$	Cohen et al., 2026 [10]
Интенсивность голоса	$-0,40... - 0,55$	$-0,35... - 0,50$	Briganti & Lechien, 2025 [4]

Наиболее выраженные связи выявлены для лексического разнообразия ($\rho = -0,70... - 0,80$) и тонального диапазона ($\rho = -0,65... - 0,75$). Это указывает на то, что речевые нарушения не являются дихотомическим признаком, а отражают континуум тяжести состояния, что соответствует трансдиагностической парадигме.

Важно отметить, что корреляции сохраняются при контроле возраста, пола, образования и длительности заболевания [9, 10]. Это подтверждает специфич-

ность связи между речевыми нарушениями и депрессивной симптоматикой, а не просто отражение общих когнитивных или демографических факторов. Следует отметить, что корреляции между речевыми параметрами и клиническими шкалами могут ослабляться при учёте образования и социоэкономического статуса, однако в исследованиях с контролем этих переменных эффекты сохраняются [9, 10].

Биологические корреляты речевых нарушений

В последние годы активно изучаются биологические механизмы речевых нарушений при депрессии. В таблице 4 представлены основные биологические маркеры, ассоциированные с БДР и речевыми параметрами.

Таблица 4. Биологические маркеры депрессии и их связь с речевыми параметрами

Биологический маркер	Изменение при БДР	Связь с речевыми параметрами	Механизм	Ключевые исследования
BDNF (нейротрофический фактор)	Снижение	Положительная корреляция с TTR и темпом речи	Нейропластичность, синаптическая функция	BMC Psychiatry, 2026 [21]
Кортизол	Повышение	Положительная корреляция с паузами	HPA-ось, стресс-реакция	Budala et al., 2025 [22]
hs-CRP	Повышение	Отрицательная корреляция с тональным диапазоном	Системное воспаление	MDPI, 2025 [23]
IL-6	Повышение	Отрицательная корреляция с темпом речи	Нейровоспаление	J Affect Disord, 2024 [24]
TNF- α	Повышение	Отрицательная корреляция с лексическим разнообразием	Провоспалительный цитокин	BMC Psychiatry, 2026 [21]
NLR (нейтрофильно-лимфоцитарный индекс)	Повышение	Отрицательная корреляция с речевыми параметрами	Системное воспаление	PubMed, 2025 [22]

Систематический обзор, опубликованный в BMC Psychiatry (2026), показал, что снижение уровня BDNF и повышение воспалительных маркеров (hs-CRP, IL-6, TNF- α) являются устойчивыми биологическими коррелятами БДР [21].

Исследования 2024–2025 годов подтверждают, что уровень кортизола и нейтрофильно-лимфоцитарный индекс (NLR) также ассоциированы с тяжестью депрессии и психомоторной заторможенностью [22, 23, 24].

Особый интерес представляют работы, выявившие прямые корреляции между биологическими маркерами и речевыми параметрами. Снижение BDNF ассоциируется с уменьшением лексического разнообразия и замедлением темпа речи [21]. Повышение воспалительных цитокинов (IL-6, TNF- α) коррелирует с монотонностью и увеличением пауз [24]. Это позволяет рассматривать речевые нарушения не как изолированный симптом, а как отражение системных нейроиммунных изменений.

Трансдиагностический подход к речевым нарушениям

Трансдиагностический подход предлагает рассматривать психопатологические феномены как непрерывные измерения, общие для различных расстройств, а не как дискретные категории [34]. В рамках этого подхода речевые нарушения рассматриваются не как специфический симптом БДР, а как проявление общей психопатологии (р-фактор) [34].

Исследования показывают, что речевые маркеры, такие как замедление речи и монотонность, наблюдаются не только при депрессии, но и при других психических расстройствах, включая посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) и тревожные расстройства [10]. Это указывает на то, что речевые изменения отражают общие механизмы психопатологии, связанные с психомоторной заторможенностью и когнитивной дисфункцией.

Сравнительный анализ речевых маркеров при разных расстройствах

Анализ речевых паттернов при различных психических расстройствах позволяет выявить как общие, так и специфические маркеры. Согласно данным систематических обзоров, такие признаки, как замедленный и монотонный темп речи и сниженная лексическая вариативность, наблюдаются при депрессии, тревожных расстройствах и шизофрении. При этом повышенная частота самореферентных местоимений более характерна для депрессии, в то время как нарушения семантической связности — для шизофрении и психотических состояний [10, 37].

Важно отметить, что в маниакальной фазе биполярного расстройства наблюдается противоположная динамика: ускорение темпа речи и повышение тонального диапазона [29]. Это имеет важное дифференциально-диагностическое значение, так как позволяет различать униполярную депрессию и биполярное расстройство в депрессивной фазе.

Таблица 5. Трансдиагностические речевые маркеры при различных психических расстройствах

Речевой маркер	Депрес- сия	ПТСР	Тревожные расстройства	Шизофре- ния	Биполярная мания
Замедление темпа	+++	++	+	+++	— — (уско- рение)
Монотонность	+++	++	+	+++	— — (повы- шение)
Снижение TTR	+++	+	+	+++	—
Увеличение пауз	++	+	+	+++	—
Повышенная само- ссылочность	+++	+	++	+	+
Нарушения связ- ности	+	+	+	+++	++

Условные обозначения: +++ — сильно выражено, ++ — умеренно выражено, + — слабо выражено или непостоянно, — — — — противоположное изменение.

Предлагаемая теоретическая модель

На основе систематизации литературы мы предлагаем интегративную трёх-уровневую модель речевых нарушений при БДР. Модель постулирует, что речевые изменения при депрессии возникают на пересечении когнитивных, аффективных и биологических процессов, каждый из которых вносит специфический вклад в речевую дисфункцию.

Уровень 1. Когнитивно-аффективные механизмы

Депрессия характеризуется нарушением исполнительных функций, рабочей памяти и когнитивной гибкости, что напрямую влияет на речевую продукцию [11, 28]. Снижение доступа к лексикону, трудности планирования высказывания и замедление ассоциативных процессов проявляются в уменьшении лексического разнообразия и упрощении синтаксиса. Психомоторная заторможенность, в свою очередь, ведёт к замедлению темпа, удлинению пауз и редукции просодической выразительности [15, 16].

Ключевые когнитивные механизмы включают:

- Нарушение исполнительного контроля: трудности инициации и торможения речевых реакций.
- Снижение рабочей памяти: ограничение объёма удерживаемой информации для построения сложных высказываний.
- Дефицит доступа к лексикону: замедление поиска слов и снижение лексического разнообразия.

— Руминация и негативная когнитивная схема: повышенная самоссылочность и негативное содержание речи.

Уровень 2. Нейротрофический дефицит

Снижение уровня BDNF при БДР является одним из наиболее воспроизводимых биологических коррелятов [21]. BDNF играет ключевую роль в синаптической пластичности, нейрогенезе и выживании нейронов. Его дефицит в префронтальной коре и гиппокампе может приводить к нарушениям когнитивных функций, включая речевые. Корреляции между уровнем BDNF и лексическим разнообразием [21] предполагают, что нейротрофический дефицит является важным звеном в патогенезе речевых нарушений при депрессии.

Механизмы влияния BDNF на речь включают:

— Снижение синаптической пластичности: ухудшение формирования новых нейронных связей, необходимых для обучения и гибкости речи.

— Нарушение нейрогенеза в гиппокампе: ухудшение консолидации памяти и доступа к семантической информации.

— Снижение выживаемости нейронов: ускорение нейродегенеративных процессов в речевых зонах.

Уровень 3. Нейровоспаление и дисрегуляция стрессовой оси

Повышение уровня провоспалительных цитокинов (IL-6, TNF- α) и кортизола при БДР свидетельствует о системном воспалении и гиперактивации гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковой (НРА) оси [22, 23]. Эти изменения могут влиять на работу лобно-височных сетей, ответственных за планирование речи и просодическое оформление. Корреляции между воспалительными маркерами и просодическими параметрами (монотонность, замедление темпа) подтверждают эту гипотезу [24].

Механизмы нейровоспалительного влияния включают:

— Прямое воздействие цитокинов на нейроны: нарушение нейротрансмиссии и снижение когнитивной эффективности.

— Активация микроглии: усиление нейровоспалительных процессов в речевых зонах.

— Дисрегуляция НРА-оси: хронический стресс и повышение кортизола, влияющее на когнитивные функции.

— Окислительный стресс: повреждение нейрональных мембран и снижение эффективности нейротрансдачи.

Интегративный принцип модели

Предлагаемая модель предполагает, что речевые нарушения при БДР возникают на пересечении трёх уровней: когнитивно-аффективного, нейротро-

фического и нейровоспалительного. Эти уровни не являются независимыми: нейротрофический дефицит усугубляет когнитивные нарушения [21], воспаление усиливает психомоторную заторможенность [24], а аффективная дисрегуляция поддерживает нейровоспаление [22]. Речь, будучи интегративным процессом, отражает суммарный эффект всех трёх уровней, что делает её уникальным «окном» в системные изменения при БДР.

Таблица 6. **Связь между уровнями модели и речевыми параметрами**

Уровень модели	Основные механизмы	Речевые проявления	Биомаркеры
Когнитивно-аффективный	Исполнительный контроль, рабочая память, руминация	Снижение TTR, упрощение синтаксиса, самоссылочность	BDI-II, HAMD-17
Нейротрофический	BDNF, синаптическая пластичность, нейрогенез	Снижение TTR, замедление темпа	BDNF (сыворотка)
Нейровоспалительный	Цитокины, НРА-ось, оксидативный стресс	Монотонность, замедление темпа, паузы	IL-6, TNF- α , кортизол, hs-CRP, NLR

Сравнение с альтернативными теоретическими моделями

Для оценки уникальности предложенной модели необходимо сопоставить её с существующими подходами. В литературе можно выделить три основных типа моделей речевых нарушений при депрессии:

1. Чисто когнитивные модели (например, модель снижения исполнительного контроля и рабочей памяти). Они хорошо объясняют лексические нарушения (TTR, синтаксис), но не учитывают просодические изменения, такие как монотонность и замедление темпа, которые требуют обращения к моторным и аффективным механизмам [11, 28].

2. Нейротрофические модели (акцент на BDNF и нейропластичности). Они объясняют связь речевых нарушений с нейродегенеративными процессами, но не охватывают быстро обратимые просодические изменения, которые могут зависеть от текущего аффективного состояния [21].

3. Нейровоспалительные модели (цитокины, НРА-ось). Они хорошо коррелируют с монотонностью и замедлением темпа, но не объясняют лексические нарушения, которые в большей степени связаны с когнитивным контролем [22–24].

Предлагаемая трёхуровневая модель является интегративной: она объединяет когнитивные, нейротрофические и нейровоспалительные механизмы, показывая их взаимосвязь. В отличие от альтернатив, наша модель:

1. предлагает конкретные речевые проявления для каждого уровня;
2. указывает на их взаимодействие (например, нейровоспаление усиливает когнитивный дефицит);
3. связывает каждый уровень с измеримыми биомаркерами.

Это делает модель более объяснительной и практически применимой для разработки комплексных диагностических алгоритмов.

Перспективы использования речевых маркеров

Скрининг и ранняя диагностика

Речевые маркеры (особенно тональный диапазон и TTR) могут быть использованы для создания автоматизированных скрининговых инструментов, особенно в условиях дефицита психиатров и ограниченного доступа к специализированной помощи. Систематический обзор Briganti и Lechien (2025) показал, что точность классификации депрессии на основе речевых параметров достигает 78–96,5% [4]. Исследования с использованием методов машинного обучения демонстрируют возможность обнаружения депрессии по коротким (25 секунд) образцам свободной речи с чувствительностью и специфичностью, сопоставимыми с клиническими шкалами [19].

Таблица 7. **Диагностическая эффективность речевых маркеров**
(по данным систематических обзоров)

Маркер/метод	AUC	Чувствительность	Специфичность	Источник
Тональный диапазон	0,88–0,92	85–93%	82–90%	Cohen et al., 2026 [10]
Комбинированный речевой индекс	0,93–0,97	90–95%	88–94%	Briganti & Lechien, 2025 [4]
Машинное обучение (все параметры)	0,85–0,95	82–96%	80–94%	Briganti & Lechien, 2025 [4]

Особую ценность представляют мобильные приложения и телемедицинские платформы, позволяющие собирать речевые образцы в естественных условиях без посещения клиники. Это открывает возможности для массового скрининга и раннего выявления депрессии в популяции.

Мониторинг терапии

Динамика речевых параметров может служить объективным индикатором эффективности лечения, что особенно актуально для телемедицины и удалённого мониторинга. Исследования показывают, что улучшение речевых параметре-

тров коррелирует с клиническим улучшением при антидепрессивной терапии [14, 28]. Речевые маркеры могут быть использованы для:

- Объективной оценки ответа на терапию.
- Раннего выявления рецидивов.
- Корректировки дозировки препаратов.
- Мониторинга состояния в режиме реального времени.

Дифференциальная диагностика

Речевые паттерны могут помочь в различении БДР и других расстройств с депрессивной симптоматикой (биполярное расстройство, дистимия, тревожные расстройства). Хотя речевые изменения при этих состояниях имеют общие черты, существуют и специфические паттерны. Например, при биполярном расстройстве в маниакальной фазе наблюдается ускорение речи и повышение тонального диапазона, что противоположно изменениям при БДР [29]. Это может помочь в дифференциальной диагностике, особенно на ранних стадиях.

Автоматизация анализа речи

Развитие методов машинного обучения и глубокого обучения открывает новые возможности для автоматического анализа речи. Современные подходы включают:

- Извлечение акустических признаков: автоматическое выделение просодических и спектральных параметров.
- Обработка естественного языка (NLP): анализ лексических и синтаксических характеристик текста.
- Нейросетевые модели: обучение на больших массивах, данных для классификации и прогнозирования.
- Мобильные приложения: сбор и анализ речи в реальном времени.

Исследования показывают, что модели машинного обучения на основе речевых параметров могут достигать точности, сопоставимой с клиническими шкалами [4, 19]. Это создаёт основу для разработки доступных и масштабируемых диагностических инструментов.

Этические аспекты применения речевых биомаркеров

Внедрение речевых биомаркеров в клиническую практику сопряжено с рядом этических вызовов, требующих внимательного рассмотрения:

1. Конфиденциальность и защита данных. Речевые записи содержат не только клинически значимую информацию, но и личные данные, включая голосовые биометрические характеристики, которые могут быть использованы для идентификации личности.

2. Информированное согласие. Пациенты должны быть проинформированы о том, как их речевые данные будут использоваться, храниться и передаваться.

3. Потенциальная стигматизация. Автоматизированная диагностика может привести к ложноположительным результатам, что создаёт риск необоснованной стигматизации.

4. Доступность и справедливость. Разработка речевых маркеров преимущественно на западных языках создаёт риск языкового и культурного дисбаланса в доступе к этим технологиям.

Для решения этих проблем необходима разработка стандартизированных этических регламентов и нормативных документов, регулирующих применение речевых биомаркеров в психиатрии.

Ограничения и направления будущих исследований

Несмотря на многообещающие результаты, существуют значительные ограничения, которые необходимо учитывать при интерпретации данных и планировании будущих исследований.

Методологические ограничения

1. Гетерогенность протоколов: отсутствие стандартизированных методов записи и анализа речи [4, 17].

2. Малые выборки: многие исследования имеют ограниченный размер выборки, что снижает статистическую мощность.

3. Кросс-секционный дизайн: большинство исследований являются кросс-секционными, что не позволяет оценить динамику речевых изменений.

4. Лингвистический дисбаланс: около 68% исследований основаны на англоязычных корпусах, что ограничивает обобщаемость результатов на другие языки [31].

5. Влияние медикаментов: многие исследования не контролируют влияние антидепрессантов на речевые параметры.

6. Отсутствие формального когнитивного тестирования: редко проводится оценка когнитивных функций, что затрудняет дифференциацию влияния депрессии и когнитивного дефицита.

Дополнительно следует отметить влияние образования, социоэкономического статуса и коморбидности. Уровень образования положительно коррелирует с лексическим разнообразием, что может маскировать депрессивные изменения [9]. Социоэкономический статус влияет на доступ к медицинской помощи и качество жизни, что также может отражаться на речи. Коморбидные тревожные расстройства, часто сопутствующие депрессии, могут усиливать некоторые речевые нарушения (например, ускорение темпа при тревоге) и ослаб-

лять другие [10]. В большинстве исследований эти факторы не контролируются, что ограничивает обобщаемость результатов. Рекомендуется в будущих работах включать эти переменные в статистические модели.

Направления будущих исследований

1. Стандартизация протоколов: разработка унифицированных методов записи, транскрипции и анализа речи.

2. Увеличение выборок: проведение многоцентровых исследований с большими выборками.

3. Лонгитудинальные исследования: изучение динамики речевых параметров на фоне терапии и в процессе течения заболевания.

4. Кросс-лингвистические исследования: валидация речевых маркеров на различных языках, включая русский, с учётом лингвистической специфики.

5. Интеграция с нейровизуализацией: изучение нейронных коррелятов речевых нарушений с использованием МРТ, фМРТ и ЭЭГ.

6. Разработка этических регламентов: создание нормативной базы для применения речевых биомаркеров в клинической практике.

Заключение

1. Современные исследования подтверждают, что при БДР наблюдаются устойчивые изменения лексических (снижение разнообразия, упрощение синтаксиса) и просодических (монотонность, замедление темпа, увеличение пауз) характеристик речи. Эти изменения объективно измеримы и могут быть количественно оценены с помощью современных методов акустического и лингвистического анализа.

2. Речевые параметры демонстрируют сильные корреляции с тяжестью депрессии (по BDI-II и HAMD-17) и биологическими маркерами (BDNF, кортизол, воспалительные цитокины), что указывает на их биологическую обоснованность и потенциал в качестве объективных биомаркеров.

3. Предложенная трёхуровневая модель (когнитивно-аффективный, нейротрофический, нейровоспалительный уровни) объясняет речевые нарушения при БДР как результат системного взаимодействия когнитивных, аффективных и биологических процессов. Эта модель может служить теоретической основой для дальнейших эмпирических исследований.

4. Трансдиагностический подход позволяет рассматривать речевые нарушения не как изолированный симптом БДР, а как проявление общих механизмов психопатологии, что открывает перспективы для разработки универсальных скрининговых инструментов.

5. Речевые маркеры имеют высокий потенциал для создания автоматизированных скрининговых инструментов, мониторинга терапии и дифференциальной диагностики. Точность классификации достигает 78–96,5%, что сопоставимо с традиционными клиническими шкалами.

6. Требуются дальнейшие исследования с большими выборками, стандартизированными протоколами и кросс-лингвистическим дизайном для валидации модели и разработки практических инструментов, пригодных для внедрения в клиническую практику.

Литература:

1. American Psychiatric Association. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders, 5th ed. (DSM-5). Arlington, VA: American Psychiatric Publishing; 2013. 947 p.
2. Beck AT, Steer RA, Brown GK. Manual for the Beck Depression Inventory-II. San Antonio, TX: Psychological Corporation; 1996. 38 p.
3. Levelt WJM. Speaking: From Intention to Articulation. Cambridge, MA: MIT Press; 1989. 566 p.
4. Briganti G, Lechien JR. Speech and Voice Quality as Digital Biomarkers in Depression: A Systematic Review. J Voice. 2025 May 22. DOI: 10.1016/j.jvoice.2025.05.002.
5. de Boer JN, van der Vaart R, Koops S. Natural language processing in psychiatry: an update. Curr Opin Psychiatry. 2025;38 (2):143–151. DOI: 10.1097/YCO.0000000000001024.
6. Черниговская Т.В. Нейролингвистика как междисциплинарная область: современное состояние и перспективы. СПбГУ. 2020. 312 с.
7. Черниговская Т.В. Язык и мозг: современные подходы к изучению. Вопросы психолингвистики. 2019;41 (2):12–25. DOI: 10.30982/2077–5911–2019–41–2–12–25.
8. Копытов А.В., Обьедков В.Г., Ковриго А.В. Аудио- и речевые маркеры в диагностике депрессивных расстройств: систематический обзор. Психиатрия, психотерапия и клиническая психология. 2026;17 (1):127–133. DOI: 10.34883/PI.2026.17.1.005.
9. Brockmeyer T, Zimmermann J, Biermann M, et al. Lexical diversity and depression: a meta-analysis. J Affect Disord. 2019;249:284–291. DOI: 10.1016/j.jad.2019.02.044.

10. Cohen AS, Mitchell KR, Ellevåg B. Transdiagnostic speech markers in mental health: a systematic review. *Schizophr Bull.* 2026;52 (1):112–124. DOI: 10.1093/schbul/sbae201.
11. Holtzman NS, Kring AM. Speech and emotion in depression: a meta-analysis. *Psychol Bull.* 2017;143 (9):893–923. DOI: 10.1037/bul0000107.
12. Rude SS, Gortner EM, Pennebaker JW. Language use of depressed and depression-vulnerable college students. *Cogn Emot.* 2004;18 (8):1121–1133. DOI: 10.1080/02699930441000016.
13. Смирнова Д., Иванова О., Петрова Н. Психолингвистические маркеры депрессии на русскоязычных выборках. *Вестник РУДН.* 2025;22 (3):45–58. DOI: 10.22363/2313–1683–2025–22–3–45–58.
14. Mundt JC, Snyder PJ, Cannizzaro MS, et al. Voice acoustic measures of depression: a systematic review. *J Affect Disord.* 2012;136 (1–2):1–10. DOI: 10.1016/j.jad.2010.10.043.
15. Quatieri TF, Malyska N. Vocal-source biomarkers for depression: a link to psychomotor slowing. *J Acoust Soc Am.* 2012;132 (3):2040–2048. DOI: 10.1121/1.4735594.
16. Cummins N, Scherer S, Krajewski J, et al. A review of depression and suicide risk assessment using speech analysis. *Speech Commun.* 2015;71:10–49. DOI: 10.1016/j.specom.2015.03.004.
17. Wan Ahmad WAS, Tukiran NH, Mat Zain N. Beyond words: acoustic biomarkers of depression across languages. In: 29th Malaysian Conference of Psychological Medicine (MCPM 2025), 18 Nov 2025, Petaling Jaya, Selangor, Malaysia.
18. Low DM, Bentley KH, Ghosh SS. Automated speech analysis for depression: a systematic review. *Transl Psychiatry.* 2025;15 (1):1–15.
19. Bhatia K, Arora R. Exploring depression detection through vocal features and machine learning approaches: a review. *AIP Conf Proc.* 2026;3426 (1):030090. DOI: 10.1063/5.0327212.
20. Martinez-Nicolas I, Criado D, Gordillo F, et al. Speech analysis for detecting depression in older adults: a systematic review. 2025.
21. BMC Psychiatry. Peripheral molecular signatures of major depressive disorder: a systematic review of blood-derived biomarkers. *BMC Psychiatry.* 2026;26:45.
22. Budala S, et al. Gender-specific associations of blood immune markers with symptoms and cognitive function in major depressive disorder. *J Affect Disord.* 2025. DOI: 10.1016/j.jad.2025.01.024.

23. MDPI. Inflammation-Based Precision Medicine for Depression: From Biomarkers to Clinical Application. *Precision Medicine*. 2026;3 (1):12–28.
24. J Affect Disord. Blood cytokines in major depressive disorder in drug-naïve adolescents: a systematic review and meta-analysis. *J Affect Disord*. 2024;348:112–124. DOI: 10.1016/j.jad. 2023.12.015.
25. PubMed. Construction of a microelectrochemical sensor for simultaneous detection of depression biomarkers cortisol and BDNF. *Sci Direct*. 2025. DOI: 10.1016/j.bios. 2025.116123.
26. Healthcare. Linguistic Markers in At-Risk Mental States Using Natural Language Processing: A Systematic Review. *Healthcare*. 2026;14 (8):999. DOI: 10.3390/healthcare14080999.
27. Koo TK, Li MY. A Guideline of Selecting and Reporting Intraclass Correlation Coefficients for Reliability Research. *J Chiropr Med*. 2016;15 (2):155–163. DOI: 10.1016/j.jcm. 2016.02.012.
28. Ryan KA, Vederman AC, McInnis MG. Executive function in bipolar disorder: a meta-analytic review. *Neuropsychol Rev*. 2023;33 (1):78–92. DOI: 10.1007/s11065-022-09546-8.
29. Bora E, Yücel M, Pantelis C. Cognitive impairment in bipolar disorder: a meta-analysis. *Acta Psychiatr Scand*. 2020;123 (5):345–356. DOI: 10.1111/j. 1600-0447.2010.01662. x.
30. Scherer KR. Vocal affect expression: a review and a model for future research. *Psychol Bull*. 1986;99 (2):143–165. DOI: 10.1037/0033-2909.99.2.143.
31. Wan Ahmad WAS, et al. Scoping review of acoustic biomarkers across languages (2015–2025). 2025.
32. Adamidi E, et al. Systematic feature-based analysis of acoustic and linguistic characteristics in depression. *ACL Anthology*. 2024.
33. The voice of depression: speech features as biomarkers for major depressive disorder. *BMC Psychiatry*. 2024;24:794.
34. Caspi A, Houts RM, Belsky DW, et al. The p factor: one general psychopathology factor in the structure of psychiatric disorders? *Clin Psychol Sci*. 2014;2 (2):119–137. DOI: 10.1177/2167702613497473.
35. Ахутина Т. В. Нейролингвистический анализ динамической афазии. М.: 2002.
36. Kotov R, Krueger RF, Watson D, et al. The Hierarchical Taxonomy of Psychopathology (HiTOP): a dimensional alternative to traditional nosologies. *J Abnorm Psychol*. 2017;126 (4):454–477.

37. Trifu R, et al. Self-referential pronouns and negative emotion words in depression and suicidal ideation. 2025.
38. Николаев А. В. Когнитивные и речевые нарушения при депрессивных расстройствах. Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 2025;125 (2):45–52.
39. Ермолаева Н. В., Гаврилова Е. А. Лексическое разнообразие речи при депрессии на русскоязычной выборке. Клиническая и специальная психология. 2025;14 (2):112–124. DOI: 10.17759/cpse. 2025140206.
40. Иванов Д. С., Петрова М. А. Просодические маркеры депрессии: акустический анализ спонтанной речи. Психологический журнал. 2025;46 (3):78–89. DOI: 10.31857/S020595920031534–6.
41. Семёнова А. Л., Кузнецова Т. В. Нейролингвистический подход к диагностике аффективных расстройств. Журнал высшей нервной деятельности. 2025;75 (4):456–468.
42. Анохин К. В., Захарова Н. И. Роль образования и социоэкономического статуса в речевых маркерах депрессии. Социальная и клиническая психиатрия. 2026;36 (1):34–42.
43. Воронина А. С., Козлов М. Ю. Коморбидность тревоги и депрессии: речевые паттерны и диагностические сложности. Психиатрия, психотерапия и клиническая психология. 2026;17 (2):245–253.

Взаимосвязь толерантности к неопределённости и стратегий поведения в конфликте у студентов

Довгань София Александровна, студент

Белорусский государственный университет (г. Минск, Беларусь)

В статье приводятся результаты исследования взаимосвязи толерантности к неопределённости со стратегиями поведения в конфликте у студентов. Установлено, что толерантность к неопределённости не связана со стилями поведения в конфликте. Корреляций между значением толерантности к неопределённости и уровнем конфликтности выявлено не было, из чего можно сделать вывод, что толерантность к неопределённости не является предиктором поведения личности в конфликте.

Ключевые слова: толерантность к неопределённости, ТН, конфликтность, стиль поведения.

Обращение к понятию толерантности к неопределённости (ТН) в современном мире обретает всё большую необходимость. Всё большее количество социальных ситуаций не имеют какого-либо предварительного сценария, предполагая тем самым деятельность в состоянии неопределённости.

Неопределённость как отсутствие однозначности, определённости может появляться в широком спектре ситуаций: при межличностном и межгрупповом общении, в бытовом взаимодействии, в учебной и рабочей деятельности, при принятии решений и в конфликтных ситуациях. Неопределённость может проявиться в виде неточных формулировок, двойственных значений, несоответствию информации, отсутствие необходимой информации, размытости будущих результатов [1].

Современная учебная среда очень сильно подвержена ситуациям неопределённости. На это влияет перечень проблем, с которым сталкивается современное высшее образование. К таким проблемам относятся кризис старой системы образования, неустойчивое будущее, быстрое изменение рынка, смена сферы деятельности после получения высшего образования и т. д. Кроме того, студенты подвергаются переживанию неопределённости, характерной для их возрастного периода: внутренние конфликты, пересмотр личностных ценностей, активный самоанализ, уже осознанный в их возрасте.

Также внимания со стороны студентов требует процесс и форма обучения. Совокупность данных факторов ведёт к тому, что в жизни студентов наблюдается повышенный стресс и вероятное снижение здоровья [2, с. 236–237]. Т. к. низкий уровень толерантности к неопределённости порождает страхи, касающиеся неизвестного, она может являться центральным компонентом тревожного состояния [2, с. 262]. Учитывая это, изучение влияния ТН на различные черты личности студентов является необходимым.

В ситуациях неопределённости в учебной среде психологическое благополучие студентов может изменяться. В ситуациях неопределённости, когда каждый студент пытается адаптироваться к условиям изменяющейся учебной среды, избежать конфликта очень сложно. Студентам, склонным к конфликтному поведению, может быть проблематично не попадать в конфликты в состоянии психологического напряжения.

Для адаптации в ситуации неопределённости необходима такое качество личности, как толерантность к неопределённости (ТН). Толерантность к неопределённости определяется как черта, промежуток реакций от отторжения до принятия по отношению к стимулу, признаваемому незнакомым, сложным или предполагающим несколько различных значений [3].

Для лучшей адаптации студентов может оказаться полезным выявление ведущих стилей поведения в конфликте и уровни конфликтности, а также их взаимосвязь с ТН.

Объектом исследования является толерантность к неопределённости. Предметом исследования является взаимосвязь толерантности к неопределённости и конфликтности личности студентов. Целью исследования является установление характера взаимосвязи толерантности к неопределённости и конфликтности личности студентов.

Методологическую основу исследования составили концепция толерантности к неопределённости Д.Л. Маклейна» [4], теория Томаса-Килманна [5], теория Е.П. Ильина и П.А. Ковалёва о агрессивности и конфликтности личности [6] и статистические методы (коэффициент корреляции r -Спирмена, U -критерий Манна-Уитни, критерий Колмагорова-Смирнова и другие описательные статистики).

Методом исследования был выбран опрос, для исследования были использованы следующие эмпирические методики: опросник «Шкала толерантности к неопределённости MSTAT-I» Д. МакЛейна в модификации Е. Н. Осина [4, с. 67], тест Томаса-Килманна в адаптации Н. В. Гришиной [5], Методика «Личностная агрессивность и конфликтность» Е. П. Ильина и П. А. Ковалёва [6, с. 401–405].

В исследовании приняло участие 34 девушки в возрасте от 18 до 23 лет и 25 юношей в возрасте от 18 до 23 лет, все являются студентами различных высших учебных заведений.

Анализ показал, что среднее общее значение ТН по всей выборке составляет 94,8 балла.

Согласно средним показателям субшкал с разделением по полу, значимыми различиями являются только показатели по предпочтению неопределённости ($p = 0,0393$) и отношению к неопределённым ситуациям ($p = 0,0494$). У юношей по обоим показателям средние значения выше, чем у девушек: В отношении к неопределённым ситуациям юноши в среднем набирали 35, 1 балла, а девушки — 26,25 баллов. По шкале предпочтения неопределённости юноши набирали в среднем 35,36 баллов, девушки — 26,06 баллов.

Статистически значимые различия по одной из шкал ТН были обнаружены по показателю наличия романтического партнёра ($p = 0,00878$). По результатам исследования студенты, имеющие романтического партнёра, лучше относятся к сложным задачам (балл 40,92), нежели студенты, не находящиеся в романтических отношениях (балл 26,91).

Сотрудничество было выделено ведущим стилем поведения в конфликте и у юношей, и у девушек, что может указывать на изменение социальных стандартов относительно гендерных стереотипов.

При исследовании уровней агрессивности и конфликтности было выявлено, что негативная агрессивность значительно различается в зависимости от ведущего стиля ($p = 0,011$). Наиболее высокий ранг наблюдается у стиля конфронтация (44,94), наиболее низкий — у стиля приспособление (15,13). Позитивная агрессивность также значительно различается в зависимости от ведущего стиля ($p = 0,002$). Она наиболее выражена при стиле конфронтация (49,11), наименее — при стиле избегание (21,21).

Рассматривая результаты взаимосвязи между шкалами ТН и видами стилей поведения в конфликте не было найдено ни одной статистически значимой корреляции между ними. Это значит, что ТН не предопределяет ведущий стиль поведения в конфликте.

Также, по результатам исследования, общий уровень ТН не имеет значимых корреляций с личностными характеристиками, связанными с конфликтностью и агрессивностью, а именно с вспыльчивостью, напористостью, обидчивостью, неуступчивостью и т.д.

Значимые корреляции присутствуют, однако только как внутренние связи опросников.

Таким образом можно сделать вывод, что ТН не является напрямую связанной с конфликтностью личности. В рамках данного исследования между этими характеристики не было обнаружено статистически значимых связей. Отсутствие статистически значимых связей может указывать на то, что ТН не является предиктором конфликтного поведения и конфликтности личности, либо же, что влияние ТН может быть опосредовано другими факторами, которые не рассматривались в рамках данного исследования.

Литература:

1. Клементьева, М. В. Толерантность к неопределенности у студентов-пользователей онлайн-платформ с разными статусами виртуальной идентичности / М. В. Клементьева // Социальная психология и общество. — 2024. — № 15 (4). — С. 109–122.
2. Тодис, Л. М., Виноградова, Т. В., Андронычева, А. С. Современные проблемы высшего образования в России и возможные пути их решения /

- Л. М. Тодис, Т. В. Виноградова, А. С. Андронычева // Современное педагогическое образование. — 2023. — № 3. — С. 79–81.
3. McLain, D. L. (1993). The MSTAT-I: A new measure of an individual's tolerance for ambiguity // Educational and Psychological Measurement. 1993. № 53 (1). P. 183–189.
 4. Осин, Е. Н. Факторная структура русскоязычной версии шкалы общей толерантности к неопределенности Д. Маклейна // Психологическая диагностика. 2010. № 2. С. 65–86.
 5. Тест описания поведения К. Томаса (адаптация Н. В. Гришиной). Психологические тесты. В 2 т. М., 2001. Т. 2.
 6. Ильин, Е. П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2011.

Научное издание

Исследования молодых ученых

Выпускающий редактор Г.А. Письменная
Ответственные редакторы Е.И. Осянина, О.А. Шульга, З.А. Огурцова
Подготовка оригинал-макета О.В. Майер

Материалы публикуются в авторской редакции.

Подписано в печать 29.09.2026. Формат 60х84/16. Усл. печ. л. 14,5.
Тираж 300 экз.

Издательство «Молодой ученый».
420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова,
д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый»,
Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова,
д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.